

«Может быть, увидимся когда-нибудь, кто знает...»:

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Л. М. БАТКИНА

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_261

Гуревич Арон Яковлевич (1924–2006) — крупнейший советский и российский медиевист — историк и культуролог, специалист по истории средневековой европейской культуры, по проблемам методологии исторического исследования и историографии. Создатель и первый ответственный редактор альманаха «Одиссей. Человек в истории». В раннем научном творчестве Гуревич под влиянием своих учителей (см. примеч. 7 к письму 9) был представителем «московской школы аграрной истории» [Копосов 2017: 189–190], но в 1960–1970-е годы под влиянием французской Школы «Анналов» (см. примеч. 9 к письму 9) перешел к изучению культуры как самоценного объекта и стал одним из создателей культурно-антропологического направления в советской и российской историографии. В 1960–1970-х Гуревич довольно близко дружил с Л.М., но с 1980-х резко с ним полемизировал, не сойдясь в методологических вопросах — таких, как роль индивидуальности и личности в историческом процессе или категория (коллективной) ментальности. Л.М. описал свои взаимоотношения с Гуревичем в мемуарном эссе 1992 года «О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод» [Баткин 1994: 66–94].

1. А.Я. Гуревич — Л.М. Баткину (машинопись) 19 ноября 1965 года

Дорогой Леонид Михайлович!

После того как Вас на весь свет ославили как моралиста и политика¹, боязно к Вам и обращаться! Наслышан о Вашем успехе на дантовом юбилее² и очень за Вас рад.

Обращаюсь к Вам вот по какому делу. Институт Философии АН СССР предпринимает издание четырехтомной истории мировой культуры, точнее — социологии мировой культуры (или истории, но с социологическим душком, не знаю, как лучше выразить всем пока не очень понятный замысел). Однако сделать это своими силами философы не могут, разумеется, и даже это осознали — во всяком случае в отношении второго тома, касающегося средневековья. Я приглашен к ним возглавить это предприятие (т.е. II том), и согласился, несмотря на ясное понимание того, что замысел этот, если выполнять его всерьез, мне не по плечу³. Но выхода у меня нет, надо расстаться, наконец, с Калинином, где я прозябаю вот уже 15 лет⁴. Пока идет оформление, я не могу быть уверен на 100%, что сватовство это увенчается желаемым обеими сторонами результатом. Тем не менее сроки сжатые (авторский текст должен быть представлен к концу 1966 г.), и поэтому мне приходится уже сейчас вступать в переговоры с теми лицами, которых хотелось бы привлечь к написанию разделов этого тома. Объем его — 35 л.⁵, включая библиографию и картинки. Одна из составных его частей — культура Возрождения. В проспекте, который обсуждался еще весной и в целом интересен, Ренессансу уделено немалое место.

Короче говоря, мне очень хотелось бы пригласить Вас принять участие в этом издании в качестве автора всего раздела по Возрождению в Европе. Условия — срок указан выше, гонорар издательство «Наука», как Вы уже испытали⁶, платит минимальный — 150 руб. с листа, объем — около 5 листов.

Хотелось бы сделать этот том интересным, с мыслями, и я не могу себе представить другого автора раздела о Возрождении, который справился бы с такой задачей, кроме Вас, Леонид Михайлович! Может быть, написание такого историко-социологического очерка было бы небезынтересно и для Вас? Если Вы примете мое предложение, я вышлю Вам весь проспект, с тем, чтобы Вы познакомились с его общим замыслом, но та часть проспекта, которая касается Возрождения, не должна Вас никак связывать, Вы напишете раздел так, как Вам будет казаться правильно. На мою поддержку Вы, конечно, можете рассчитывать всегда.

Пока все это — между нами, так как я сам еще не могу делать Вам официального предложения. Поэтому наши переговоры носят предварительный характер. Однако я надеюсь на Ваше согласие!

Жду Вашего ответа.

С наилучшими пожеланиями

Ваш [подпись]

19.XI.65.

Примечания

1. После опубликования книги Л. М. «Данте и его время» [Баткин 1965] И. Г. Эренбург в выступлении на международном конгрессе, посвященном 700-летию со дня рождения Данте и состоявшемся 28 октября 1965 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, назвал Л. М. «молодым политиком и моралистом».
2. Юбилейное собрание, посвященное 700-летию со дня рождения Данте, прошло 19 октября 1965 года в Москве, в здании Большого театра. Л. М. на этом юбилее был приглашен в президиум.
3. Культурно-антропологическая направленность, в русле которой был задуман проект «Истории мировой культуры», была близка А. Я. Гуревичу: в эти годы он начал создавать собственную культурологическую модель формирования западноевропейского феодального общества, подвергавшую ревизии официальную марксистско-ленинскую доктрину истории европейского Средневековья и вводившую в советский научный оборот идеи французской исторической Школы «Анналов» (обо всем этом подробнее см. письмо 9 и примеч. 7 и 9 к нему). Его идеи воплотятся в ряде статей конца 1960-х — 1970-х годов и в двух монографиях, «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» и «Категории средневековой культуры» [Гуревич 1970; 1972], за которые он будет подвергнут разгромной официальной критике [Лучицкая 2011]. См. также примеч. 2 к следующему письму.
4. В 1950 году, после окончания исторического факультета МГУ, А. Я. Гуревич не мог найти работу по специальности из-за развернувшейся в СССР антисемитской кампании и был вынужден уехать в Тверь (тогда называвшуюся Калинин), где стал работать преподавателем (позднее доцентом, профессором) Калининского педагогического института. «“Ссылка” в Тверь», как назвал ее сам Гуревич [Гуревич 2004: 54], растянулась на 16 лет, до 1966 года. «Сказать, что это было в моей жизни хорошее время, было бы некоторым преувеличением» [Гуревич 2004: 55].
5. Авторский лист — принятая в СССР и России мера печатного объема текста, равная 40.000 печатных знаков. Книга объемом 35 авторских листов заняла бы при публикации от 300 до 400 страниц в зависимости от особенностей верстки.
6. В издательстве «Наука» вышла книга Л. М. «Данте и его время» [Баткин 1965].

2. А.Я. Гуревич — Л.М. Баткину (машинопись)

25 декабря 1965 года

25.XII.65

Дорогой Леонид Михайлович!

С большим огорчением встретил весть о Вашем отказе от моего предложения¹. Несколько возросли шансы составить неплохой, я бы сказал, интересный авторский коллектив — за счет прогрессивных востоковедов и кое-кого еще. Поэтому том мог бы выйти нестандартным, с идеями, и Ваше участие могло бы этому в большой мере способствовать. Конечно, Вы правы, что такого рода сюжет, как «Человек и культура» (таково общее название издания), следовало бы разрабатывать скорее как итоговое, а не на пустом месте. Но можно ведь на это взглянуть и с другой стороны... Общесоциологический очерк не закроет путей для более конкретных исследовательских штудий, но почему не выступить с некоей программой-обещанием дальнейшего?²

Что касается Вашей неподготовленности к подобному начинанию (о чем Вы пишете), то, простите меня, я позволю себе Вам в данном случае не поверить! Попробуйте посмотреть на том, о котором я Вам писал, не со своей личной точки зрения: поскольку он будет, почему не постараться сделать его максимально (исходя из реальных возможностей) содержательным?! И кто же в таком случае мог бы написать Возрождение (не итальянское лишь, а общеевропейское) лучше Вас? Надеюсь, Вы понимаете, что я далек от намерения льстить Вам — вообще или с корыстной целью! Но по существу ведь это так. Я смею надеяться, что с Вами мы были бы единомышленниками. Но не могу рассчитывать на то же самое, когда думаю о некоторых иных кандидатурах, которые по этой причине и не кажутся мне реальными.

Относительно сроков. Если бы Вы согласились, я пошел бы на некоторое растяжение срока подачи текста. Может быть, имеет смысл подумать о каком-то соавторстве. Я, верно, выгляжу в Ваших глазах излишне настойчивым и даже назойливым, но пусть так: я испытываю потребность привести Вам еще раз все аргументы, которые могли бы побудить Вас пересмотреть Вашу точку зрения. Скажу откровенно: что-то в Вашем письме заставляет меня предположить, что Вы не без сожаления (пусть небольшого) или иного двойственного чувства отказались участвовать в томе.

Простите за настырность: но я прошу Вас еще подумать. До конца января я не отдам раздел «Возрождение» никому и ни с кем не буду вести даже предварительных переговоров о нем. Я позволю себе ждать Вашего согласия!

Перечитал письмо и подумал, что так, наверное, пишут отвергнутые женихи. Но Вы для меня в самом деле богатая и завидная партия!

Желаю Вам и Вашим близким счастья в Новом году!

Не сердитесь и соглашайтесь!

Ваш [подпись]

Примечания

1. Об этом предложении см. предыдущее письмо. Под натиском уговоров А.Я. Гуревича Л.М. в конце концов согласился участвовать в написании раздела об итальянском Возрождении для «Истории мировой культуры», однако этот проект в итоге распался. Позднее в статье «О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод» (1992) Л.М. вспоминал об

этом так: «А.Я. предложил мне написать большой раздел о Возрождении. После немалых колебаний — чувствуя себя совершенно неподготовленным — я все же согласился. Добавлю, что, хотя затем замысел многотомника был во благовремении прикрыт начальством, это не помешало мне взамен намеченной главы сделать книжку “Сущность итальянского Возрождения” (оставшуюся неопубликованной)» [Баткин 1994: 68]. Об этой неопубликованной книге см. письма 4–5, примеч. 2 и 6 к письму 5, а также примеч. 3 к письму 11.

2. В 1997 году А.Я. Гуревич будет описывать свои просветительские намерения тех лет следующим образом: «Конец 50-х — 60-е годы были для меня временем переосмысления теоретических и гносеологических принципов исторического познания. <...> Я отчетливо сознавал непродуктивность полемики с историками, которые не желали принять ничего нового, и хотел через их головы обратиться к студентам, к молодежи и вообще к тем, чьи умы были открыты для новых идей» [Гуревич 2007: 12–13].

3. А.Я. Гуревич — Л.М. Баткину (машинопись) 2 июля 1967 года

Дорогой Леонид Михайлович!

Только что звонил Ваш товарищ и огорошил меня новостью¹. Я толком даже не сумел всего узнать, — нас разъединили, но и сказанного достаточно. Стоит ли писать, что я испытываю. Если самое горячее сочувствие может хоть немного облегчить Ваше моральное положение, Вы на него вправе рассчитывать². Но что же будет на практике? Имеются ли какие-нибудь возможности устройства где-либо в Харькове? Если хотите, я могу написать в Калинин своему бывшему ректору, узнать, не возьмет ли он специалиста по эстетике (но не по истории средних веков — там, как Вы знаете, Фрейденберг³), хотя насколько нужна эстетика в пединститутах, не знаю!

Я хорошо представляю себе Ваше самочувствие, ибо в 1952 и 53 гг. меня сокращали, и хочу надеяться, что Ваша судьба решится относительно благополучно! Пишите!

Сердечный привет Вашей жене!⁴ Не падайте духом.

Я еще пару недель буду в Москве.

Если это способно доставить Вам какое-то удовольствие: все в секторе у нас⁵ Вами очарованы. Аннинский сказал мне, что он «влюбился» в Вас...

Ваш дружески
[подпись]
2/VII 67

Примечания

1. В 1967 году Л.М., доцент Харьковского института искусств, «был изгнан из института в ходе погрома политически неблагонадежной кафедры» [Копосов 2017: 182]. Через год он по протекции известного советского философа Михаила Яковлевича Гефтера (1918–1995) устроится работать старшим научным сотрудником в московский Институт всеобщей истории АН СССР.

2. А.Я. Гуревич принял деятельное участие в судьбе Л.М., о чем тот вспоминал в эссе «О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод»: «По ходу хлопот понадобилось ходатайство каких-либо научных светил. А.Я. Гуревич немедленно решил отправиться к малознакомому ему академику Н.И. Конраду (а Ю.Л. Бессмертный — к С.Д. Сказкину). Так

- появилось на свет совместное обращение двух академиков к вице-президенту АН СССР. Я снял комнатку, долгие месяцы ждал разрешения на прописку и зачисления в Институт истории (куда вскоре перевелся и А.Я.)» [Баткин 1994: 68]. Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — специалист по японской культуре, председатель редакционной коллегии серии «Литературные памятники» (1962–1970). Бессмертный Юрий Львович (1923–2000) — знаменитый советский и российский медиевист, сотрудник Института всеобщей истории АН СССР (позднее — Российской академии наук) и с 1990-х годов — РГГУ; начинал как специалист по аграрной истории, позднее (отчасти под влиянием Школы «Анналов» — о ней см. примеч. 9 к письму 9) перешел к исторической демографии, истории частной жизни и микроистории; был дружен с А.Я. Гуревичем (но разошелся с ним по ряду методологических вопросов) и с Л.М.; совместно с ними был соорганизатором ежегодника «Одиссей. Человек в истории» (в 1994–1995 годах — его ответственный редактор); в 1996-м основал альманах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории». Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) — историк-медиевист, декан исторического факультета МГУ (1940–1943), заведующий кафедрой истории средних веков МГУ (1949–1973).
3. Фрейденберг Марэн Михайлович (1924–2007) — историк-медиевист, византинист, с 1966 года преподавал на кафедре всеобщей истории Калининского педагогического института (сменив уехавшего в Москву А.Я. Гуревича — см. примеч. 4 к письму 1).
4. Крайнец Инна Александровна (1936–2009) — первая жена Л.М., преподаватель музыки, музыковед.
5. С 1966 по 1969 год А.Я. Гуревич был старшим научным сотрудником сектора истории культуры Института философии АН СССР.

Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) — одна из крупнейших советских историков-медиевистов, специалист по истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, архивист, палеограф. В 1955–1960 годах заведовала кафедрой истории средних веков Ленинградского университета (ЛГУ), с 1963 года работала в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Сыграла ключевую роль в судьбе Л.М., всячески поддерживая его, когда в 1950-х он — на тот момент молодой исследователь из Харьковского университета — только начинал входить в науку и готовил к публикации свои первые исследовательские работы. Л.М. впервые заочно познакомился с Люблинской в 1953 году, будучи студентом 3 курса, в начале 1954-го произошло их личное знакомство, и с тех пор его дружеские отношения с ней сохранялись до конца ее жизни. Позднее Л.М. описал их (с выдержками из переписки) в мемуарах «Начинающий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских» [Баткин 1999].

**4. А.Д. Люблинская — Л.М. Баткину
(с комментариями Л.М. Баткина на полях)
10 августа 1974 года**

A mon bien cher ami des jours passés et prochains¹.
Итак, живым голосом уже было сказано мое мнение об этой «простенькой» (что ли) книжке². Но и пишу, что она хороша — в своем роде. Прежде всего — для широкого читателя, хотя она и кишит всяческими аллюзиями и намеками, предполагающими большую эрудицию. Однако нынче такую эрудицию (не всегда точную, но не беда) можно встретить и у т<ак> наз<ываемого> широкого читателя; ведь недаром у многих высшее гуманитарное образование,

а у других многих интерес к искусству и гуманитарным наукам. Пресловутая улыбка Джоконды не только мода.

Затем, книжка хороша и для историков самого широкого охвата, ибо Ваша попытка «разгадать» загадку Возрождения интересна и сама по себе и как метод исследования культуры. И, конечно, хорошо, что за Вашими плечами дипломная работа о Флоренции, и диссертация, и книжка о Данте³, т.е. работы историка, коими Вам пренебрегать не следует, сколь бы они не казались Вам «наивными» — ведь они ступени не только Вашего пути, но в какой-то мере и нашей науки. Но лучше всего, как мне кажется, она была бы для искусствоведов. Она показывает, как «вмещать» их материал в историко-социальную атмосферу. Им всегда это так трудно! И так плохо у них это получается.

В главном (как и во многих деталях) я с Вами согласна — было только итальянское Возрождение. Ранее это была истина почти банальная, но потом затемнилась, ибо все страны (сперва Европы, затем мира) открыли «свое» Возрождение. Это верно лишь частично, поскольку частичными были и все эти прочие Ренессансы. И все же не могло не быть этих частичных Ренессансов, ибо все и вся рядом и живет более или менее синхронно.

Но Вы отчетливо показали историческую предопределенность и полноту (— музыки) именно итальянского феномена. Истина вернулась на круги своя уже не в банальной форме. Значит, сущность показана, цель книги достигнута, вывод, как говорится, твердо стоит на ногах.

Затем, весь материал интересен. От начала и до конца книга читается единым духом, в нее хочется углубляться, о ней приходится думать и это приятно. Она доставляет удовольствие. Все это очень и очень большие плюсы. Мысль и язык адекватны друг другу. (Но жаль, что в имеющемся у меня экземпляре нет обещанных приложений.) Поэтому, что бы Вы сейчас о ней ни думали с Ваших теперешних позиций, хулить ее не за что.

По отдельным вопросам мне хотелось бы сказать несколько слов.

стр. 24. «Перенапряженная» структура Высокого Возрождения была недолговечна («идеализованная», «очень приподнятая» и т.п.). Но апогей всякой духовной структуры недолговечен (если исключить науку для Нового Времени) и «перенапряженность» понятие, хотя и социологическое, тем не менее мало что объясняющее

стр. 46. В XVI в. Италия поплатится за коммунальную децентрализацию⁴, ибо для любой европейской страны обязательн[ым] будет крупное общенациональное государство, если страна не желает остаться на исторических задворках. Увы, нет по всем пунктам.

Уже нет в XVI в. в Италии* коммунальной децентрализации, а есть самостоятельные «государства», иные со значительной территорией и многими на ней городами (Милан, Венеция, Папская область, юг<,> формирующаяся Тоскана). Зато есть в Нидерландах настоящая федеративная республика (под номинальной властью Карла V и со слабой централизацией)**. То же — в Швейцарии; в Швеции фактически монархия без централизации, в Германии — тоже. Сама Испания — это конгломерат почти не объединенных б<ывших> королевств. Во

* [Приписка Л.М.:] Ну, ясно — за предшествующую комм<унальную> децентрализацию> поплачутся.

** [Приписка Л.М., зачеркнутая:] Но — единое государство! И федерация<ия> воэм<ожно>, то был[о] объединение и> раньше.

Франции только-только присоединили Прованс и лишь к сер<едине> XVI в. будет присоединена (но не освоена) Бретань. «Крепости»⁵ нет ни в Испании, ни во Франции, отсюда потрясающие их сепаратистские распри и гражданские войны. В Англии Шотландия способна мутить политическую историю***.

Занимаясь сейчас (к конференции⁶) проблемой «Ренессансного государства» я стала думать, что наше привычное мнение о централизации нуждается в немалых коррективах. И если даже взять только судьбы Италии в XVI в., то пала она жертвой отнюдь не «крепких общенациональных государств».

стр. 55–57 — ранний капитализм. На мой взгляд, это — самая слабая сторона Вашей концепции, и притом не по Вашей вине. Виноваты исто-
рики экономических отношений.

Разумеется, специфика экономики XV–XVI вв. самостоятельна и нет нужды ориентировать ее только на разлагающийся феодализм и элементы будущего капитализма. «Состоявшиеся формы» — удачная формула, но она нуждается в более обширной расшифровке.

«Сплетение» и «слияние» разных отраслей экономической деятельности в руках правящего слоя («раннебуржуазной среды») требует различения «отраслей» и «среды». Сосуществование всех видов капитала — и следовательно многокачественная характеристика капиталистов — вещь присущая всему мануфактурному периоду и началу фабричного. Иначе и не могло быть в эпоху решительного преобладания торговой прибыли над промышленной (даже при производстве на внутренний рынок). Поэтому неспроста любой крупный, средний и мелкий мануфактурист именовался «купцом» вплоть до XIX в. Следовательно, это еще не специфика Возрождения, как такового****. Этим же капиталистам присуще ростовщичество и землевладение, ибо все это приносит прибыль. И это — не специфика Италии, и не только «разлагающийся феодализм». Во всем — новые конструктивные формы. Их сущность в соединении всех возможных в ту пору видов экономической экспансии. Отсюда чрезвычайная «многоликость» английского, французского, фландрского, рейнского, испанского и... итальянского купца. Эта — «состоявшаяся форма» для всей Европы XV–XVI вв., — не механическое соединение прошлого с настоящим, а единственный возможный в ту пору способ накопления капитала для чисто промышленного производства, на что ушло более 3 столетий.

(Ср. современные гигантские американские фирмы, занимающиеся «чем угодно», т<ак> к<ак> многокачественная прибыль балансирует общую прибыль; ныне отраслевая специализация уже не безопасна).

«Выход» в дальнейшую экономическую эволюцию мог быть различен. Нормальный ход вещей состоял в развитии именно мануфактуры. Тогда отделил[и]сь от нее банковские операции (тоже, впрочем, очень медленно). В землевладении мог появиться настоящий капиталистический фермер и тогда купец-земледелец получал капиталистическую ренту. Но в Италии фатальными были не только чужеземные вторжения и грабежи. Скучность и плохое качество собственного сырья для шерстяного производства, недостаточная качествен-

*** [Приписка Л.М.:] Всяду — складывание сквозь муть национ<альных> государств (кроме Герм<ании>). «Централиз<ация>» условно = национ<альная> государственность.

**** [Приписка Л.М.:] верно — но вместе со всеми соц<иальными> функ<циями>, в землях локальность.

ность своего шелка, отсутствие драгоценных металлов, крайняя чувствительность к метаморфозам внешнего рынка вынудили итальянских богачей к иностранным инвестициям, что привело в итоге к массовым банкротствам. Для краха «золотого века» они сыграли немалую роль, чем 1527 год⁷.

Так обстоит дело с «отраслями»****. Теперь насчет «среды». «Правящий слой» с такими же функциями и — вроде бы — таким же культурным уровнем был в крупных рейнских и южных и ганзейских городах и — особенно — в нидерландских, в городах-государствах. Его смела Реформация и реакция, но он выстоял и блестяще вырос в Нидерландах. Специфика итальянской «среды» в том, что это была среда «латинской» (а не только антиквизирующей) культуры со всеми «этическими» элементами наследия, о чем мы (т.е. в СССР) просто понятия не имеем. (Ныне на время карнавала в Ницце закрывается на неделю университет и все научные учреждения; на корриду в Ниме закрывается на 3 дня все, кроме продовольственных магазинов, открытых по 2–3 часа в день (Ср. Испанию и Португалию). «Красноречие» на «изящном языке» (т.е. латынь) — тоже этнический элемент «латинской культуры». Ныне пламенное и изящное красноречие французов-южан резко полярно спокойному и логичному красноречию парижан и т.д. и т.п.) А родственная близость латыни и итальянского! Итальянец прекрасно выучивает латынь и теперь за кратчайший срок, сицилийский диалект почти равен «низкой» латыни IV–V вв. и т.[д.] и т.п. Культурная восприимчивость «среды» в Италии была чрезвычайно близка гуманизму в целом, что далеко не всегда было в странах, испытавших влияние Италии, но не обладавших таким «наследством». Там меценатствовали из любви, но и по вкусу, аристократы и придворная очень богатая рыба [?], — но она была восприимчива по своему юридическому образованию в первую голову. Поэзию и философию они «учили» после права, но и французская поэзия была им не менее дорога.

Итак, дело, конечно, не только в количестве мануфактур. Наука и искусство древности выросли и без них. Дело в качестве экономических новшеств, которые неспособны в ту пору изменить общий характер производства кардинальным образом, но уже работают на всеевропейский, а затем и на мировой рынок. (А.Д. Ролова⁸ показывает в своей уже готовой докторской диссертации, как рвались итальянские дельцы к мировому рынку и как и почему им это в конечном счете не удалось.) Отсюда не только широта горизонта, но и новый уровень интеллектуальной элиты и ее новая манера наслаждаться жизнью. Но это — лишь манера, ибо романское латинское жизнелюбие не умирало никогда.

стр. 60. «Самый яркий цветок средневековья» оказался слишком вольным переводом. См. М. и Э.⁹ 2 изд. т. 23 стр. 728: «поблекла блестящая страница средневековья — вольные города»¹⁰.

стр. 161 — Увы, иллюзии одного человека тоже могут стать исторической реальностью¹¹.

Все карандашные пометы не мои.

Может > бытъ, > при свидании удастся поговорить еще о некоторых вещах (напр<имер,> Гамлете и Дон-Кихоте). Это письмо кончаю самыми сердечными приветами вам обоим. Будьте благополучны, дорогие.

Всегда ваша А.

P.S. Спасибо за деньги.

**** [Приписка Л.М. ко всему абзацу:] локальность.

Примечания

1. «Моему дорогому другу прошлых и будущих дней» (фр.).
2. Речь идет о рукописи книги Л.М. «Сущность итальянского Возрождения», которая была принята к публикации в издательстве «Искусство», но так и не увидела свет (см. примеч. 1 к письму 2, примеч. 2 и 6 к письму 5, примеч. 3 к письму 11).
3. Л.М. в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политическая борьба во Флоренции в конце XIII — начале XIV веков и идеология Данте» [Баткин 1958]. «Книжка о Данте» — [Баткин 1965].
4. К концу XV века Италия представляла собой сложный конгломерат больших и малых независимых государств — герцогств и республик, в том числе городов-государств. В 1494–1559 годах на территории Италии практически безостановочно шли войны между Францией, Испанией и их союзниками. В результате большинство итальянских республик и герцогств потеряли независимость и вошли в состав Испанской империи, а даже оставшиеся формально суверенными итальянские государства во многом утратили политическую самостоятельность. Во время одной из этих войн (война Коньякской лиги) Рим в 1527 году пережил разграбление войсками Карла V, что сильно подорвало политическое влияние папского престола.
5. Имеются в виду «крепкие общенациональные государства» — см. следующий абзац письма.
6. Не удалось установить, о какой конференции идет речь.
7. Имеется в виду разграбление Рима (см. примеч. 4).
8. Ролова Александра Давыдовна (1920–2019) — ведущий историк-медиевист, специалист по социально-экономической и политической истории Флоренции XVI века и, шире, по истории итальянской культуры эпохи Возрождения, а также по средневековой культуре Европы. В 1974 году защитила докторскую диссертацию на тему «Флоренция и проблема экономического упадка Италии: (Вторая половина XVI — начало XVII в.)» [Ролова 1974].
9. Карл Маркс и Фридрих Энгельс.
10. Цитата из 1-го тома «Капитала» [Маркс 1960: 728]. В рукописи книги «Сущность итальянского Возрождения» Л.М. пишет (видимо, неточно цитируя Маркса): «Самый яркий цветок средневековья», вольные города увядают с подъемом национальных монархий» (с. 60). А.Д. Люблинская уточняет эту цитату.
11. На 161-й странице «Сущности итальянского Возрождения» Л.М. пишет: «...Иллюзии одного человека — это иллюзии, коллективные иллюзии — это историческая реальность». А.Д. Люблинская высказывает свою точку зрения по этому поводу.

5. Л.М. Баткин — А.Д. Люблинской (машинопись) 11 августа 1974 года

11.VIII 74

Дорогая Александра Дмитриевна,

спасибо за приветливое, обстоятельное письмо, такое же — как встарь, вполне достойное включения в том Вашего эпистолярного «Избранного»¹. Ваши замечания очень интересны, и со многим я совершенно согласен². Конечно, синкретизм капитала не составляет какой-то особенности и привилегии ренессансных итальянцев, и я напомнил об этом только, чтобы возразить тем, кто выдвигает для оценки тогдашней городской экономики иные критерии, кто или напирает на особую развитость промышленного капитала, или, наоборот, из отсутствия такой развитости делает вывод об отсутствии новизны. Не

объясняет дела и универсальный набор социальных ролей (включая политические и культурные) — и это не только в Италии. Правда, нигде, может быть, эти люди не были *в такой степени* хозяевами и строителями *всех* сторон своей жизни, как в условиях существовавших столетия итальянских городских государств? С такой соотносительностью локальности и европейского размаха? С таким полицентризмом в рамках, все же, национальной общности? Для меня это важнее чисто экономического синкретизма. Но главное не в этом тоже. В тексте, Вами прочитанном, только проскальзывает подход, который в новой книге (и в статье, идущей в очередном итальянском сборнике³ и пока Чистозвоновым⁴ упущенной) уже выражен прямо. Что значит вообще «социальные предпосылки» Возрождения? Во-первых, в «малой» книге⁵ речь идет об экономических и политических скорее, а не о «социальных» предпосылках (и в новом варианте я стараюсь привести дело к каким-то суждениям о новом типе индивида, группы, отношений между индивидами, границ между группами, социальной мобильности и т.п. — то есть хоть кратко затронуть действительно социологическую, а не социально-экономическую проблематику). Во-вторых, какие бы наблюдения над особенностями итальянской городской жизни XIV–XV веков, над городской верхушкой особенно и над структурой и динамикой этого общества в целом мы не сделали — «вывести» из них Ренессанс (не вообще «подъем культуры», который был всюду, а вот этот подъем, вот такой *тип* культуры, с таким устройством на молекулярном уровне) не удастся, конечно. Отличия, скажем, Италии от Нидерландов на экономическом и политическом уровнях служат необходимым, но не достаточным обстоятельством для объяснения их культурных различий. Мы видим в Италии со всей ясностью — где, в какой среде, в каком историческом окружении выросло Возрождение, но связь тут не детерминистская, а вероятностная, очевидно. Без всего этого Возрождения бы не было, но это только предварительное условие, а конкретно-культурные результаты могут быть разными. Духовные традиции объясняют уже *эти* культурные результаты, в их стилевой реальности, куда непосредственной, ближе, и поэтому я с особым интересом и сочувствием прочитал Ваши строки о «латинской стихии», в которую итальянцы были органично погружены. Но и еще одно. А почему, собственно, мы привыкли представлять дело так, будто культура всегда результат чего-то, вне нее или до нее находящегося? И социальные предпосылки, и культурный континуитет дают, в сложнейшем переплетении, почву и гены культуры. Но есть еще внутренние мутации (и тут биологические уподобления оказываются бедными и ограниченными). Разум и воображение, действуя под впечатлением социальных импульсов и пользуясь знакомым и привычным материалом, *творят* нечто неожиданное, и взаимодействие культурных личностей и обстоятельств их общения и взаимовлияния — дает тип культуры, который должен быть «выведен» из себя самое. Тоже банальная истина... и тоже крепко забытая (не только у нас)... дай бог, если мне как-то удалось и ее (в «большой» книге) напомнить — по Вашему доброму слову — не банально. Кстати, мне хотелось бы думать, что в «большой» книге «перенапряженность» ренессансной духовной структуры, свойственная именно Ренессансу — не останется общим местом, а будет наполнена всяческой логико-культурной конкретностью.

Теперь о «Баткине вчерашнем» и «сегодняшнем». Дорогая Александра Дмитриевна, я не собираюсь шельмовать все, что делал и как думал вчера и позавчера, это этапы моего (и, наверно, впрямь не только моего) развития. Тем

более я не отказываюсь от книжки, которой еще три года назад (а сейчас она доработана и стала, пожалуй, лучше) в глубине души немножко гордился. Просто эта книжка растворилась отчасти в новой, а отчасти уже кажется мне преодоленной⁶. Иначе на что я потратил последние два года и перевел столько бумаги? Пусть даже я стал писать не столь ясно — не возмещается ли это новыми идеями, понятиями, «ходами», а главное — более развитой, глубокомысленной, если угодно, более продуманной общей концепцией, которая в отдельных фрагментах плохо видна (а Вы читали и Вам не понравились: половина, кажется, второй главы и сокращенный вариант шестой главы, всего же глав в двух томах должно быть 11, а написано уже семь). Вы, разумеется, вправе, как и любой читатель, принимать «вчерашнее» и не принимать «сегодняшнее», и я понимаю преимущества «малой» книги, издержки «большой» и многие Ваши резоны. Острота моей реакции объясняется только ненормальностью нашей научной жизни, извращенностью условий нашего (моего) общения с читателем. В самом деле. Книга, которую Вы так хвалите, в свое время не увидела и, очевидно, никогда не увидит света. То, что я думаю, делаю сейчас, тоже остается — как целое — во мне. Разговор с коллегами, с читателями — как переключка с далекой планетой: пока сигнал доходит, на Земле живет уже не то поколение, которое послало его. Этапы личной эволюции не становятся частичкой общей научной жизни синхронно, не проходят органично друг за другом, а накапливаются, сдавливаются, застревают в горле. Трудно относиться мудро ко вчерашнему, потому что, когда вчерашняя мысль наконец выплывает наружу — она становится преградой для сегодняшнего диалога. Впору невзлюбить слово, сказанное вчера: вчера оно не прозвучало, сегодня же звучит от имени меня сегодняшнего. Тут есть извращенность и — нечто грустное и раздражающее злополучного автора. Отсюда это полемическое отталкивание от вчерашнего, неродившегося, не ставшего подлинно вчерашним. А вообще-то я рад ободряющим Вашим оценкам и понимаю, что прежняя книга и новые мои мудрствования могли бы и не мешать друг другу, не душили друг друга, только нужно, чтобы и то, и другое было напечатано... и дало бы повод для спокойных сопоставлений и противопоставлений, завоевало бы разного (или — последовательно — одного и того же) читателя, отстоялось бы в объективном и публичном ходе научной жизни... а там, гляди, появился бы и «завтрашний» автор, мудро относящийся к оценкам того, что было реальными этапами его пути. Впрочем, теперь те, кто — не критикует сколь угодно резко и неприемлемо, это в порядке вещей, а не дает мне печататься, будь то какая-нибудь Брагина⁷, Чистозвонов и т.п., — противопоставляют книгу о Данте⁸ и пр. нынешним моим писаниям, и когда уважение к прошлым этапам развития нашей науки (не во всем, признаемся, заслуживающим нашей вечной преданности) приобретает такой облик — начинаешь предпочитать полемическую запальчивость и отвержение сброшенной кожи. Когда же звучит мнение друга, такое правомерное мнение, как Ваше — уже трудно оказывается обрадоваться за недавно дорогую книжку и огорчиться неудаче новых сочинений у такого особого читателя, как Вы, с должной соразмерностью, в мудрой перспективе, ведущей от вчерашнего к завтрашнему.

Вот — целая объяснительная записка, вероятно, ненужная.

Я еще раз от души благодарю Вас за внимание. Я радуюсь за книжку, хотя и в меньшей степени — за себя. Я радуюсь особенно тому, что Вы не собираетесь стареть, что Вы такая же удивительная и что я получаю от Вас такие же

замечательные письма, как и двадцать лет назад, в пору первого и счастливого знакомства с Вами.

Обнимаю Вас

Л.

11/VIII 74.

Приложений никаких нет. Я думал было сделать таковыми статьи о Данте и Кампанелле⁹, Вам хорошо известные, но потом раздумал, а соответствующий абзац во введении закрыл и заколол скрепками (зачеркивать не захотел на случай, если дирекция потребует больший объем и надо будет приложения давать). Саше¹⁰ я написал. Лишнего экземпляра для него у меня нет. Хорошо, что будет, кроме отзыва, и оригинал<ьный> протокол обсуждения!¹¹

Примечания

1. Л.М. познакомился с А.Д. Люблинской в 1953 году (сначала по переписке, в 1954-м — живую). Об интенсивности эпистолярной научной дискуссии с Люблинской Л.М. позднее вспоминал: «Сам стиль взаимоотношений и последующей переписки, отмеченной обязательностью и поразительно щедрой обстоятельностью А.Д., — постоянно перегруженная сложной и важной работой, она направляла мне послания подчас на десятках и более страниц! — был для меня прекрасным уроком» [Баткин 1999: 224].
2. См. предыдущее письмо — комментарии и замечания А.Д. Люблинской к тексту рукописи книги Л.М. «Сущность итальянского Возрождения» (о ней см. также примеч. 1 к письму 2 и примеч. 3 к письму 11). Далее эту рукопись Л.М. в письме называет «малой книгой», в отличие от «большой книги» — монографии «Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления» [Баткин 1978а], вышедшей по-русски в сокращенном виде. Целиком «большая книга» была опубликована спустя еще год на немецком языке, сначала в ГДР [Batkin 1979], а в 1981-м — в Швейцарии и ФРГ; позднее появились венгерский и итальянский переводы.
3. Статья «О социальных предпосылках итальянского Возрождения» [Баткин 1975].
4. Чистозвонов Александр Николаевич (1914–1998) — советский историк, специалист по истории Нидерландов раннего Нового времени, сторонник догматического марксистско-ленинского подхода к теории исторического процесса. Во время Великой Отечественной войны служил в органах военной контрразведки Народного комиссариата обороны СССР; по словам А.Я. Гуревича, «он носил на себе неизгладимую печать той специальности, которую приобрел на войне, — он был работником СМЕРШа, и это очень чувствовалось и в послевоенный период, и в дальнейшем» [Гуревич 2004: 122].
5. «Малая» книга и «большая» книга — см. примеч. 2.
6. Л.М. пыгается убедить А.Д. Люблинскую, что к моменту представления на обсуждение рукописи «Сущность итальянского Возрождения» он уже продвинулся далеко вперед в разработке идеи системной целостности итальянского Возрождения, и прежняя концепция «растворилась отчасти» в новой монографии — будущей книге «Итальянские гуманисты» [Баткин 1978а]. Фрагменты первого варианта новой работы Люблинская читала ранее.
7. Брагина Лидия Михайловна (1930–2021) — советский и российский ученый, специалист по итальянскому Возрождению. Ее научные интересы сильно пересекались с интересами Л.М., в частности, в них входило изучение развития гуманистической мысли, этических учений итальянских гуманистов. При этом между Брагиной и Л.М. существовали напряженные отношения. Вот как их описывал сам Л.М.: «Я бывал в гостях у итальянистки Лидии Михайловны Брагиной <...>. Должен признать, что относился к ученым трудам Л.М. — которая уже тогда запросто ездила в недостигаемую Италию, была лично знакома с Э. Гареном и другими выдающимися ренессансистами, сама являлась весьма знающей специалисткой, — к ее собственным работам относился как эрудированным, но совер-

шенно бесталанным и скучным. <...> Однажды я читал доклад “О социальных предпосылках итальянского Возрождения” в своей группе ИВИ. Пришедшая послушать Л. М. внезапно обрушилась на меня с набором стандартных советских идеологических обвинений. Я слышал нечто подобное от медиевиста-чекиста Чистозвонова и прочих, но от нее такого не ожидал. <...> Отношения с Л. М. (следовательно, и с ее симпатичным супругом) неизбежно оказались прерванными» [Баткин 2013: 73–74]. Эудженио Гарэн (Eugenio Garin, 1909–2004) — итальянский историк философии, специалист по новоевропейской философии от Ренессанса до Просвещения; ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР. 8. Речь идет о книге «Данте и его время» [Баткин 1965].

9. Имеются в виду статьи «Парадокс Кампанеллы» и «Спор о Данте и социология культуры» [Баткин 1971а; 1971б]. Л. М. трактовал позицию Кампанеллы как внутренне противоречивую и даже парадоксальную: «Мысль о том, что исследование не обязано оглядываться на библейские тексты, он доказывал — воистину “сын своего времени”! — ссылками на соответственные тексты. Это — *вольномыслие внутри системы*, плохо отвечавшее искреннему желанию Кампанеллы быть ортодоксальным католиком, но продиктованное этим желанием. <...> Логика доктрины требовала отринуть многое, включая эпикуреизм, “макьявеллизм”, пантеизм, протестантизм, аверроизм, коперниканство и идею бесконечности Вселенной. Лишь борьба против всех этих передовых концепций эпохи давала теоретическую почву для бунтарских устремлений Кампанеллы, и без его ретроградности была бы невозможна удивительная революционная утопия. Таков парадокс Кампанеллы» [Баткин 1995а: 389–390].

10. А. Х. Горфункело (см. письма 6–8).

11. Речь идет об обсуждении рукописи книги «Сущность итальянского Возрождения» в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Голоса участников разделились. В поддержку Л. М. выступили А. Д. Люблинская, Е. В. Бернадская (см. письмо 14), А. Х. Горфункель, В. И. Мажуга (историк-медиевист и филолог-классик, специалист в области античной и средневековой латинской палеографии, кодикологии, римского и средневекового права). Горфункель пишет, что ему «запомнилось выступление В. И. Мажуги, тогда аспиранта: именно он тогда впервые заговорил о “новом Буркхардте”. <...> Любопытно, что противников новой концепции Возрождения возмущали не только идеи автора, но и неопозволительно вольный стиль изложения» [Горфункель 2013: 138]. О Я. Буркхардте см. примеч. 17 к письму 9.

Горфункель Александр Хаимович (1928–2020) — выдающийся советский и американский историк, специалист по истории и философии итальянского Возрождения, а также по русской истории и культуре XVII века. Книговед и библиограф, в 1962–1984 годах заведующий Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Ленинградского университета (ЛГУ), с 1988-го — заведующий сектором редких книг и книговедения Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). С 1993 года жил в США.

6. А. Х. Горфункель — Л. М. Баткину (машинопись)

13 мая 1980 года

Ленинград, 13.05.80.

Милый Леня,

спасибо за книгу¹: сам я ее бы никак не достал. Только что получил, еще не читал, твою статью о «варьета»² <—> прочту в первую очередь.

Книжку о Кардано³ на-днях вышлю тебе, у меня оказалось две. А перевод «Исповеди» Августина напечатан в 19 томе «Богословских трудов»⁴ (был он

подготовлен в Питере, по слухам, М.Е. Сергеевко⁵ для «Литературных памятников», да там не получилось, вот и попал к иерархам, а напечатан анонимно, с подробным комментарием).

Что же до статьи Д.С. Лихачева⁶, то похвалы ему меня нимало не смущают: ежели М. Алексеев⁷ счел нужным сочувственно процитировать слова Д.С. против национализма, значит ему указание такое вышло, а значит не Д.С. тут унижен непрошенными похвалами, а хвалитель хоть на минуту да попытался возвыситься до него — конечно, никак не возвысился, но, право, это не худший его (хвалителя) поступок.

Мне пришлось спорить с людьми вполне добропорядочными, но считавшими, что раз подлинность «Слова о полку Игореве» охраняема людьми типа Аполлона Кузьмина⁸ или Ю. Селезнева⁹, значит, чуть ли не долг приличного человека в подлинности этой — сомневаться, а Д.С. за свою защиту «Слова» от нападок невежественных и недобросовестных попадал в сообщники ретроградов. Логике этой — не понимаю и не принимаю, ни в данном конкретном случае (аргументацию сторон знаю<, > и доводы покойного А.А. Зимина¹⁰, равно и веселые наскоки плохого поэта Олджаса Сулейменова¹¹ меня не убедили), ни вообще. Мое отношение к «Эстетике Возрождения»¹² ты знаешь¹³, но когда здешние юные хунвейбины на кафедре древней истории напали на него и учинили погром, я стал его защищать, пусть не как филолога-классика, так как философа. (Статью мою в «ФН»¹⁴ все же вроде бы будут печатать без изменений — кроме мною предложенных, и о которых я тебе писал).

Книга моя¹⁵ должна выйти в конце мая — начале июня (пошли чистые листы), впрочем, тебе она вряд ли будет любопытна, это популярное учебное пособие, переложение вещей известных и очевидных, но делал я ее с удовольствием, особенно новые для меня главы.

Я ведь тут стал почти что «человеком Сектора» (древнерусской литературы в Пушкинском Доме) — не только из-за статей о Белобоцком¹⁶, книговедческих сочинений, десяти северных экспедиций к староверам; я люблю их, это сейчас самое лучшее и святое, что есть в Ленинграде, единственный бесспорный научный центр — и с твердыми нравственными понятиями. На-днях были там 4-е Малышевские чтения, поминали Владимира Ивановича¹⁷, — человека, в моей жизни значившего не меньше Матвея Александровича¹⁸.

Надеюсь, что ты уже вполне здоров

Всего тебе доброго

Пиши

Твой С.

Примечания

1. Возможно, речь идет о книге М.К. Трофимовой «Историко-философские вопросы гностицизма» [Трофимова 1979].
2. Имеется в виду статья Л.М. «Зрелище мира у Джаноццо Манетти» [Баткин 1979]. О категории «варьета» см. подробнее письмо 8 и примеч. 3 к нему.
3. Кардано Джероламо (Gerolamo Cardano, 1501–1576) — итальянский врач и выдающийся математик и инженер, внес значительный вклад в развитие алгебры и теории вероятностей; создатель шифральной решетки Кардано; одним из первых описал принцип действия карданного вала. «Книжка о Кардано» — скорее всего, [Гутер, Полунов 1980].
4. [Августин 1978].

5. Сергеенко Мария Ефимовна (1891–1987) — советский филолог и переводчик, специалист по истории Древнего Рима. «Исповедь» Аврелия Августина переводила в 1941–1945 годах, в том числе во время блокады Ленинграда.
6. Речь идет о статье Д.С. Лихачева «Заметки о русском» [Лихачев 1980], где он рассуждает в апологетическом тоне о национальном характере, одновременно противопоставляя патриотизм национализму и шовинизму («О с о з н а н и я любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. <...> Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, а к т и в н о миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям. Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, о б я з а н быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ д о л ж е н помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру» [Лихачев 1980: 36]). Эта позиция, безусловно, искренне отражает личные историософские взгляды Д.С. Лихачева. Однако схоже звучащую риторику интернационализма и «активного миролюбия» использовали и официальные советские идеологи, обосновывая и оправдывая ею экспансионистскую политику СССР — от финансовой и военной поддержки социалистических режимов в разных регионах мира до вторжения советских войск в Афганистан, произошедшего за несколько месяцев до публикации «Заметок о русском». В таком контексте статья Лихачева многими была прочитана неоднозначно. Л.М. воспринял «Заметки о русском» крайне отрицательно, А.Х. Горфункель — скорее сочувственно. Л.М. подробно развернул свою позицию в эссе, опубликованном позднее в составе статьи «Застойные споры» [Баткин 1994: 245–264]; в этом письме Горфункель отвечает на эссе Л.М.
7. Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — советский литературовед, академик, занимался вопросами взаимосвязей русской и зарубежных литератур. Коллега Д.С. Лихачева по Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
8. Кузьмин Аполлон Григорьевич (1928–2004) — советский и российский историк и публицист, автор работ по истории Древней Руси. Известен как активный сторонник крайне спорной южнобалтийской гипотезы происхождения варяжской Руси (одна из версий антинорманизма), согласно которой «варяги — это западные славяне»; ради обоснования своей точки зрения Кузьмин игнорировал или объявлял поддельными исторические документы, противоречащие его гипотезе, за что неоднократно критиковался в печати: «Таким образом, вывод о достоверности известия не вытекает здесь из исследования и характеристики источника, а, наоборот, вся история древнейшего летописания ставится в зависимость от того или иного решения вопроса — кем были варяги» [Лурье 1973: 89–90]. Кузьмин разделял идеологию русского национализма, что тоже приводило к скандалам (см. след. примеч.).
9. Селезнев Юрий Иванович (1939–1984) — публицист, литературный критик и литературовед, в 1976–1981 годах редактор серии «Жизнь замечательных людей», в 1981–1982 годах — заместитель главного редактора журнала «Наш современник», отличавшегося националистической направленностью. «Апрель 1982 г. — в статье критика А. Кузьмина в “Нашем современнике” впервые был употреблен термин “русофобия” (приравненный в статье к термину “антисоветизм”) по отношению к современнику и соотечественнику — литературному критику В. Оскоцкому. За это журнал подвергся санкциям со стороны ЦК КПСС и СП СССР — были смещены со своих постов заместители главного редактора Ю. Селезнев и В.А. Устинов» [Митрохин 2003: 542–543].
10. Зимин Александр Александрович (1920–1980) — советский историк, исследователь русского Средневековья, специалист по источниковедению. Скептически относился к подлинности «Слова о полку Игореве», считал его высокоталантливой подделкой конца XVIII века. Свою версию, основанную на ряде текстологических и источниковедческих разысканий, Зимин изложил в ротапринтной машинописи «Слово о полку Игореве»:

(Источники. Время создания. Автор)», которую представил для дискуссии, состоявшейся в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 г. Большинство участников дискуссии, включая Д. С. Лихачева, не согласились с точкой зрения Зимина, не сочтя его доводы убедительными. При этом его позиция противоречила не только выводам других специалистов по истории и письменности Древней Руси, но и установкам официальных советских идеологов, поэтому результаты дискуссии в печати были представлены ангажировано, а самому Зимину — запрещена публикация рукописи. В полном виде работа была опубликована лишь в 2006 году, спустя много лет после смерти автора [Зимин 2006].

11. Сулейменов Олжас Омарович (род. 1936) — поэт, литературовед, публицист и общественный деятель. В книге «Аз и Я» [Сулейменов 1975], не подвергая сомнению подлинность «Слова...» в целом, он предположил, что изначально это был двуязычный русско-тюркский текст, написанный с симпатией к половцам, но в последующих веках сильно искаженный и идеологически трансформированный переписчиками.

12. [Лосев 1978].

13. А. Х. Горфункель считал идеи А. Ф. Лосева, изложенные в книге «Эстетика Возрождения», спорными и тенденциозными — свою критику он подробно представил в полемическом докладе «К спорам о Возрождении», спустя несколько лет опубликованном в формате рецензии [Горфункель 1983].

14. Журнал «Философские науки». О какой статье А. Х. Горфункеля в этом журнале идет речь, установить не удалось.

15. [Горфункель 1980].

16. Ян Белобоцкий (после принятия православия — Андрей Христофорович Белобоцкий, середина XVII века — после 1712) — польско-белорусско-русский поэт XVII века, философ и переводчик, кальвинистский и затем православный проповедник и духовный писатель. А. Х. Горфункель много лет изучал его жизнь и творчество.

17. Малышев Владимир Иванович (1910–1976) — советский филолог и археограф, специалист по древнерусской литературе.

18. Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) — выдающийся советский историк и искусствовед, специалист по итальянскому Возрождению. В 1950–1954 годах подвергался репрессиям. После реабилитации был заведующим отделом западноевропейского искусства в Эрмитаже, затем возглавил научную библиотеку Эрмитажа. До войны (1934–1949) и после реабилитации (1960–1969) был заведующим кафедры средних веков Ленинградского университета (ЛГУ). М. А. Гуковский был научным руководителем А. Х. Горфункеля, когда тот учился на историческом факультете ЛГУ. С Л. М. он тоже был хорошо знаком — в 1963 году он вручил Л. М. свою фундаментальную двухтомную монографию «Итальянское Возрождение» [Гуковский 1947–1961] с надписью: «Дорогому Леониду Михайловичу с вызовом на соревнование по Возрождению».

7. А. Х. Горфункель — Л. М. Баткину (машинопись) 10 февраля 1985 года

Ленинград, 10 февраля 85 г.

Милый Леня,

сегодня 10-е февраля, сколько себя помню, почему-то всегда в этот день в Питере ясно и мороз; обычно я в этот день — на поминовении Пушкина, в квартире на Мойке, есть такой очень старый и прижившийся питерский обряд, из которого никакая официальность не смогла вытравить живое¹; сегодня пошла Роза², а я засел дома, вот и вспомнил об эпистолярных долгах.

Дела мои идут своим чередом, сделал заметку для доклада на Депо манускриптов³ (это ежегодное заседание в нашем отделе, в годовщину его создания, передачи собрания рукописей Дубровского⁴) о наших (в ГПБ) экземплярах

редких изданий «Зодиака жизни»⁵, вообще мне понравилось это занятие — посмотреть на Возрождение через старые книги, и вместе с тем на сами эти книги через столетия их читательской судьбы. С тех пор, как я пересмотрел десятки экземпляров «Зодиака» с владельческими записями, подчеркиваниями, вымарываниями, сочувственными, негодующими, предостерегающими — я лучше понимаю Мандзолли.

Роза работает, пишет и ткёт⁶, с пенсией у нее дело пока сорвалось — исполком отказался оплатить принятую дворцом «Малютка»⁷ работу, придется ждать другого солидного заработка. Внук растет и умнеет, Маша⁸ при нем, ездит к Розе в мастерскую, пытается научиться ремеслу.

У друзей умирают — матери, жены, отцы, я вот уже много лет, кажется, не вылезаю из крематория, благо он тут неподалеку, из всех улиц нашего района, названных к 200-летию Петербурга именами птенцов гнезда Петрова (наша — в честь канцлера Бестужева-Рюмина)<,> к этому славному заведению ведет улица, поименованная в честь Петра Шафирова.

А насчет Жан-Жака мы расходимся в чем-то очень существенном⁹. Может быть, дело в том, что для меня это не история культуры, а книга, мною прочитанная для себя<,> — и как всякую для себя книгу я ее и сужу. Ты прав, что Руссо откровеннее Толстого и Августина, но не забудь, что эти двое писали для обнародования при жизни, т.е. исповедовались публично, он же писал — и не раз это пояснял в тексте «Исповеди» — для публикации посмертной.

Но и не в этом главная разница. Он откровенен — да; но в этой откровенности бездна гордыни. Особенно это видно в рассказе о том, как он отправил в воспитательные заведения одного за другим пятерых своих детей. Было от чего сбеситься его бабе; если правда, что она его в конце концов пристукнула, ее можно понять, я видывал кошек, у которых отбирали котят. А его оправдания — в духе прославления интернатов в недавнюю эпоху славного десятилетия¹⁰ — но там хоть речь шла не о своих.

И то сказать, грехи, в которых он откровенно признался — невелики: ну, впал в детский грех в юные годы, ну, свалил на горничную украденный перстень... Во всем этом есть откровенность, искренности нет.

Да не в том беда: признавая за собой всякого рода дурные свойства и преступления, он не только не говорит — не видит главного своего греха, а он вопит, «вопиет», как писали в старину, со всех страниц; это недоверчивое, злобное, завистливое, подозрительное отношение к людям, стремление всюду увидеть подлость, заговор, злой умысел, специально и притом самым гнусным, интриганским способом против него направленный. Он ведь от этого и погиб, когда бежал из Англии от любящих и заботливых друзей. Я готов согласиться, что это не вина, а беда, скорее всего — болезнь, но этот болезненный склад души формировался годами (под воздействием враждебных, неблагоприятных обстоятельств? — согласен) — я ему не судья, но я судья книге, коль скоро читаю ее и учусь у автора — думать, жить, относиться к людям. И этот его урок — скорее отрицательного свойства. Что по сравнению с этим постоянным недоброжелательством, с этой навязчивой подозрительностью — украденный перстень и даже дети, отданные в приют. И в результате исповедь оказывается исповедью — без покаяния, даже без простейшего раскаяния, преисполненная гордыней: да, я таков, судите, как хотите.

Ты правильно говоришь о чувстве собственного достоинства, это внушает уважение, особенно с учетом «исторических обстоятельств». Но за этой гор-

достью плебея, за его стремлением к независимости слишком часто проглядывает приниженность и мстительность. Это из нее и выросла гильотина. Разумеется, не мыслитель виноват в ней, но психологический феномен Робеспьера проглядывает уже здесь, равно как и будущий «подпольный» человек Достоевского.

Вот эту опасность перерождения плебейского бунта в хамство и холопство задолго до Достоевского, в одной из последних своих рецензий (на повести Павлова¹¹) почувствовал (предчувствовал) Пушкин: «Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли. — В “Имянинах”, несмотря на то, что выслужившийся офицер видимо герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: <“Верьте, что не сместь сесть, не знать, куда и как сесть — это самое мучительное чувство!.. Зато теперь я вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадетя. Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово: едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачом”>»¹².

Пушкиным бы (сегодня!) и кончить, да еще забыл сказать, что я увидел в нем, от его родной Женева, неистребимую кальвинистскую гордыню, кальвинистскую суровую мораль, обращенную, правда, больше вовне, на других. При все[м] том знаю (и признаю) прогрессивность его политических, философских, педагогических воззрений. Но это о другом, я — об исповеди.

О прочем в другой раз. А пока что всего лучшего тебе и твоим, пиши.

Твой С.

Примечания

1. 10 февраля — день смерти А.С. Пушкина по новому стилю. В мемориальном музее-квартире Пушкина (набережная реки Мойки, 12) в эту дату ежегодно, начиная с 1925 года, проводится День памяти А.С. Пушкина.
2. Жена А.Х. Горфункеля — Роза Михайловна Коваль (род. 1929), искусствовед, художник, педагог, автор шести книг, изданных в Бостоне, в том числе воспоминаний, собраний рассказов, эссе и поэтического сборника.
3. Депо манускриптов — так изначально (в XIX веке) назывался Отдел рукописей Императорской публичной библиотеки (в советское время — Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), с 1992 года — Российская национальная библиотека). Александр I учредил его рескриптом от 27 февраля (11 марта) 1805 года.
4. Дубровский Петр Петрович (1754–1816) — дипломат и библиофил, чья коллекция, выкупленная правительством в 1805 году, составила основу Депо манускриптов: «Не обладая ни значительными средствами, ни высоким должностным положением, сотрудник русского посольства в Париже сумел составить весьма ценное и обширное собрание, насчитывающее около 900 рукописных книг V–XVIII вв. (свыше 700 западноевропейских, 50 славянских, 20 греческих и более 130 восточных) и 15 тысяч документов XII–XVIII вв.» (Начало формирования фонда. Петр Петрович Дубровский (URL: nlr.ru/manuscripts/RA81/dubrovsky)).
5. «Зодиак жизни» — философская и сатирическая поэма в 12 книгах на латинском языке, написанная итальянским гуманистом Пьером-Анджело Мандзоли (около 1500–1543) и изданная сразу после его смерти под псевдонимом Марчелло Палиндженио (Палингений) Стеллато. В 1559 году была включена Ватиканом в Индекс запрещенных книг, несмотря на это уже в XVI веке переведена на английский, французский, немецкий и польский языки. А.Х. Горфункель много занимался изучением «Зодиака жизни», в том числе по-

святил философии Мандзоли отдельную главу в книге «Философия эпохи Возрождения» [Горфункель 1980: 186–200].

6. Имеется в виду ремесло художественного ткачества, которым владеет Р. М. Коваль. Она является автором многих работ в этой области.

7. Дворец торжественной регистрации рождения «Малютка» — отдел ленинградского/санкт-петербургского ЗАГСа, специализирующийся на регистрации новорожденных. Располагается в особняке Спиридонова (Фурштатская улица, д. 58).

8. Райкина Мария Александровна (род. 1956) — дочь А. Х. Горфункеля и Р. М. Коваль. С 1988 года живет с семьей в США.

9. Позднее в книге «Личность и страсти Жан-Жака Руссо» [Баткин 2012] Л. М. анализирует самосознание философа и выявляет у него черты, присущие «новоевропейской личности». Причем именно Руссо Л. М. рассматривает как поворотную фигуру в этом процессе: «Моя цель — понять эпохально-переломное значение Руссо, прежде всего его “Исповеди”, для становления принципиально нового, т. е. *нетрадиционалистского*, индивида» [Баткин 2012: 8].

10. Скорее всего, речь идет об интернатах в эпоху оттепели, которую называли «славным десятилетием». Тогда по всей стране организовывали школы-интернаты и широко прославляли их строительство. Эти интернаты, в свою очередь, по своей концепции отчасти ориентировались на школы-коммуны, чье создание активно пропагандировалось в СССР в 1920-е годы. В 1930-х были закрыты или реорганизованы в школы других типов.

11. Павлов Николай Филиппович (1803–1864) — русский писатель, поэт, издатель, переводчик.

12. А. Х. Горфункель цитирует рецензию А. С. Пушкина 1835 или 1836 года, известную как «<Три повести Н. Павлова>» (заголовок дан публикаторами) [Пушкин 1936].

8. Л. М. Баткин — А. Х. Горфункелю (электронный текст) 5 февраля 1997 года

*Получил 24/V 97.
Писал [нрзб.] 23/V —
дописал 28/V 97¹*

Мой милый Саша, я очень ждал твой отклик на «Петрарку»² — и вот дождался, и порадовался (не просто похвалам, а их смыслу, направленности, степени понимания такого Читателя, как ты). Завершая все то, что я пытался годами сделать для осмысления «универсалии» Возрождения на современном уровне, «Петрарка» с фокусировкой всего типа культуры в идее Я-автора примыкает ко всем прежним работам³. Там были поочередно иные фокусировки («диалогичность», «грация», «варьета»<)>, парадокс «универсального» человека как безграничной ВОЗМОЖНОСТИ такового, Леонардо (а с ним и всякий ренессансный гений) в качестве не иллюстрации категориальной «варьета», не порождения общего понятия и положения вещей, а как источник оной варьета, как сам-себе-варьета, короче, как автор ОСОБОЙ варьета. И вот Петрарка... В итоге, понятие Возрождения предстает не классически-закрепленным в данной точке (как в классической механике), а одновременно и «волновым»... это понятийное и феноменологическое ПОЛЕ, с разными фокусами, с логикой перехода от одного фокуса к другому. (Нетрудно уже увидеть, как диалогичность может быть логически и описательно транскрибирована в варьета, варьета в идею «формализма автора», и пр.) Возможно, я и напишу статейку на сей счет⁴ — вроде культурно-логического автореферата и эпилога. Или напишет

кто-либо другой, кому концепция в целом покажется стоящей того. Это уже неважно. *Fecit quod potui, etc.*⁵

Как всегда спасибо за указания ляпов и проколов. Радуюсь тому, что их меньше, чем должно бы быть (при моей скверной исходной, с позволения сказать, «университетской» харьковской подготовке). Не согласен только насчет «бифуркации»⁶ — поскольку это не «дурное слово», а очень важный термин в физической теории нелинейного развития (в синергетике) и означает не словарное «раздвоение, расхождение», а точку, в которой начинается прорыв в некое новое и непредусмотренное состояние, притом мы никогда не знаем, не такова ли именно уже нынешняя точка, — и тут физика обретает странное сходство с Историей, гуманитарное измерение. Все учту при издании в будущем итоговой книжки «Человек наедине с собой»⁷, в которую войдут Введение и Макьявелли из «Поисков индивидуальности», Августин, Абельяр, Элоиза⁸, Петрарка (очевидно, с добавлением работы о любовной лирике), статья о письмах Макьявелли и кое-что еще.

В октябре за счет РГГУ я провел вместе с тремя сотрудниками оного две недели в Римини, откуда ездил в Равенну, Феррару, Ассизи, Сан Марино, Болонью, Флоренцию и... в одиночестве добрался до Арква⁹. Последнее впечатление — особое и огромное.

Шлю книжку о Бродском¹⁰. Твоя блестящая отповедь Жолковскому¹¹ — «пустое сердце бьется ровно»¹², да? — как увидишь, переключается с моей отповедью ему же по поводу его статьи¹³ о «Сонетах к Марии Стюарт».

Восхищаюсь неутомимым размахом твоей научной деятельности в чужой стране. Я крепко и с любовью тебя обнимаю. И шлю сердечный привет Розе¹⁴, пожелания благ

Примечания

1. Надписи А.Х. Горфункеля от руки в углу листа с распечатанным письмом Л.М. Судя по всему, Горфункель пытается разобраться в путанице с датами: 2 сентября 1996 года он написал Л.М. письмо, где комментировал его книгу «Петрарка на острие собственного пера» [Баткин 1995б], и послал его с оказией в Москву. Л.М. то письмо не получил, тогда в декабре 1996-го Горфункель сделал копию и отправил ее с еще одной подвернувшейся оказией в Санкт-Петербург. Неизвестно, когда Л.М. получил копию письма от 2 сентября — декабря 1996 года; отвечал он уже 5 февраля 1997-го. Хотя текст набран электронным набором, но был послан, скорее всего, не электронной почтой, а обычной. Видимо, Горфункель получил этот ответ Л.М. только спустя три с половиной месяца, 24 мая. Две другие даты понять невозможно.
2. Речь идет о книге Л.М. «Петрарка на острие собственного пера» [Баткин 1995б].
3. Имеются в виду монографии Л.М. «Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления» [Баткин 1978а], «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» [Баткин 1989], «Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления» [Баткин 1990] и «“Не мечтайте о себе”: О культурно-историческом смысле “Я” в “Исповеди” бл. Августина» [Баткин 1993], а также ряд статей 1980-х — первой половины 1990-х годов. Категорию «варьета» (*varietà* — разнообразие (*um.*); впрочем, «привычным для нас “разнообразием” смысл ренессансной “варьета” еще далеко не улавливается» [Баткин 1990: 14]) Л.М. подробнее всего анализировал в книге о Леонардо. См. также примеч. 2 к письму 6.
4. Л.М. не написал отдельной статьи, где бы он рассматривал Возрождение конкретно в категориях феноменологического поля и переходов от одного фокуса к другому (хотя все его исследования по Возрождению на протяжении многих лет, по сути, именно так и выстро-

ены). О логико-культурном смысловом поле он упоминает в воспоминаниях «Историк о себе. Внутренняя логика самодвижения» во втором издании книги «Пристрастия»: «Из любой фокусировки легко логически и феноменологически переключиться на другую. <...> Тип культуры есть такое поле метаморфоз, преобразований одного системообразующего понятия в другое. Итак, *методом и результатом работы явилось обоснование универсалии Возрождения как многофокусной смысловой целостности*» [Баткин 2002: 86].

5. «Я сделал, что мог, и так далее» (лат.).

6. В письме от 2 сентября — декабря 1996 года (см. примеч. 1) А.Х. Горфункель, комментируя книгу «Петрарка на острие собственного пера», указал на несколько неточностей и опечаток, а также добавил: «Зачем тебе дурное слово “бифуркация”? (раздвоение, расхождение?)».

7. Л.М. говорит о готовящемся большом сборнике избранных работ, вышедшем спустя три года под названием «Европейский человек наедине с собой» [Баткин 2000]. Л.М. перечисляет, что туда войдет, в том числе книги «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» (в итоге она будет включена почти целиком), «Петрарка на острие собственного пера», «“Не мечтайте о себе”» и несколько статей.

8. В сборник «Европейский человек наедине с собой» вошли две статьи об Абельяре и Элоизе: «Ради чего Абельяр написал автобиографию» [Баткин 2000: 137–182] и «Письма Элоизы к Абельяру. Личное чувство и матрицы культурной среды» [Баткин 2000: 183–232].

9. Итальянская коммуна Арква (Арква-Петрарка) — место, где находятся дом и могила Петрарки. О поездке Л.М. в Италию осенью 1996 года см. письмо 17.

10. Л.М. имеет в виду свою только что вышедшую книгу «Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского» [Баткин 1997], где он в том числе полемизирует с А.К. Жолковским по поводу «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» И.А. Бродского (1974).

11. Речь идет о статье [Горфункель 1997].

12. Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

13. Л.М. полемизирует с работой А.К. Жолковского «“Я Вас любил...” Бродского» из сборника статей «Блуждающие сны» [Жолковский 1994: 205–224].

14. Р.М. Коваль (см. примеч. 2 к письму 7).

Каждан Александр Петрович (1922–1997) — советский и американский византист и арменист, один из крупнейших мировых специалистов по истории Византии. Главный редактор фундаментального «Оксфордского словаря Византии» («*Oxford Dictionary of Byzantium*»). С 1978 года в эмиграции, жил и работал в Центре изучения Византии в Дамбартон-Оукс (см. примеч. 1 к письму 9).

**9. А.П. Каждан — Л.М. Баткину (на бланке Дамбартон-Оукс¹)
16 августа 1980 года**

Dumbarton Oaks, Washington, D.C. 20007

<...>

16.VIII.80

Леня, дорогой мой,

нет, конечно, я не обижен на тебя — прежде всего потому, что я настолько уважаю тебя как ученого и люблю как человека, что обидеться на тебя мне невозможно. А во-вторых... ты совершенно неправ и просто по горячности болезненно воспринял мою статью². Начнем с Арика³.

Арик не является объектом обзора, к<ото>рый посвящен livres récents⁴. Слово récent означает совсем новые, свеженькие — и в самом деле все 77–78 гг. Только Арика книга — 72 г.⁵ Все рецензируемые книги указаны библиографически: издательство, количество страниц etc. Арика книга — нет. Арик упомянут здесь как le tournant⁶ от Косминского и т.д.⁷ к новому направлению. Ты мог бы с тем же успехом упрекнуть меня, что я недооцениваю Косминского. Мой ход простой: был период, когда можно было изучать одну экономику — теперь это невозможно. Советская медиэвистика обязана этим Арику. Он «выстрадал» этот переход от аграрной истории к широкому аспекту культуры (как и я сам, между прочим — но о своей «Византийской культуре»⁸ я не пишу, чем, видимо, еще более унижаю автора этой книги). Книгу Арика ценю высоко, но все-таки создание «системы» принадлежит Блоку⁹, а не ему. Об этом спорить нечего.

Сережину¹⁰ книгу¹¹ оценить очень непросто. Восторженное отношение к ней мне смешно. Настаиваю, что Византии в ней совершенно нет — есть три случайно взятых автора. Специфики византийской нет. То, что он пишет в заключении — тривиально, а идея, что Византия состоит из сильной монархии и христианства — банальна. Но в специфических условиях интерес к идейным корням Византии, конечно, был оправдан, и оппозиция Библии и греко-римского мира звучала забавно. Я бы сказал больше: все (почти все) тезисы Сережи удивительны. Они строятся на явных передержках в аргументации — и тем не менее оказываются верными по большому счету. Два примера: анализ примеров у Романа Сладкопевца¹². 2 или 3 рефрена только отвечают Сережиному тезису о противоположности формы и содержания. В остальных ничего подобного нет! А конечно мысль, что Роман поэт, а не версифицирующий проповедник, верна. Заключение, что Нонн Панополитанский¹³ поэт книги<, > а не слова<, > строится на 1–2 примерах. Взятый в целом текст говорит прямо противоположное: Нонн «поет» о своих героях, а не «пишет» о них. Но мысль, что в Византии культура была книжная — верна (хотя и не так нова).

Значение книги Сережи чисто русское (недаром, Beck¹⁴ отверг его статью для Byz<antinische> Z<eitschri>ft¹⁵, сказав, что на Западе это все известно) — и для России очень велико. Если и я, и Арик, и другие старались заменить плохую схему хорошей, то Сережа провозгласил: — На фиг мне схемы вообще. Сила его книги в этом идейном нигилизме, к<отор>ый сбалансирован образностью. Об этом я, правда, не написал — это слишком сложно, и очень много надо объяснять. А я, к тому же, писал рецензию, не думая, что они пихнут в статьи, и очень жался с местом.

И последнее: если я пишу, что Б.¹⁶ исходит из человека, а Сережа из абстракции — в этом нет ничего позорящего. Я бы сам исходил из абстракции. Мне было интересно подчеркнуть различия, и все. Но что Б. показал новое в Ренессансе (не в живописи, а в идеологии!)¹⁷, а Сережа нового в ранневизантийской поэтике не показал, — это мое убеждение, и ты при всей своей скромности меня не разубедил.

Думаю, что я тебя не убедил тоже. Это нормально. Что же касается моей исключительной позиции в данном вопросе, это неверно. И сидя «там», я пропагандировал советское византиноведение, и каждый из вас может это делать. Только вы предпочитаете пропагандировать свои идеи, а не разбирать чужие. Annales¹⁸ с таким же успехом могли напечатать и тебя, и Арика.

Два слова о сборнике статей¹⁹. В этом году его похоронили. Слова Patlagean²⁰ — «свет умерших звезд»²¹. Если мне удастся, я буду пытаться получить деньги на перевод на следующий год. Все это отсюда гораздо труднее, чем «оттуда».

Обнимаю тебя! Самые лучшие пожелания!

Скажи Арику, что я получил его письмо сразу же после того, как отправил ему свое. Так что сейчас молчу — очень много дел после отпуска.

Твой С.

Примечания

1. Дамбартон-Оукс — Центр изучения Византии, крупная международная организация по византистике, расположенная в усадьбе Дамбартон-Оукс в Джорджтауне (пригород Вашингтона, округ Колумбия). Полное официальное название — Исследовательская библиотека и собрание Дамбартон-Оукс (*Dumbarton Oaks Research Library and Collection*). Управляется Гарвардским университетом. А.П. Каждан после эмиграции в США работал в ней и арендовал жилье в принадлежащем ей доме.
2. Речь идет о рецензии-обзоре [Kazhdan 1980].
3. А.Я. Гуревич.
4. Недавно вышедшие книги (*фр.*).
5. Книга А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» [Гуревич 1972].
6. Поворот (*фр.*).
7. Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959) — один из ведущих советских историков-медиевистов, академик, исследователь аграрной истории Англии, ответственный редактор ежегодников «Средние века» (1946–1959, вып. 2–15) и «Византийский временник» (1947–1956, 1957–1960, вып. 1–10, 12–17), научный руководитель кандидатской диссертации А.П. Каждана. Косминский и еще два крупных советских медиевиста — Николай Павлович Грацианский (1886–1945) и Александр Иосифович Неусыхин (1898–1969), тоже специалисты по крестьянской истории Средневековья, — упомянуты в начале рецензии Каждана как примеры принятого раньше в СССР материалистического подхода к истории. При всей научной ценности их работ духовная, религиозная жизнь средневекового человека оставалась на периферии их исследовательского внимания и сводилась к простым обобщениям в марксистском духе [Kazhdan 1980: 272]. «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича Каждан интерпретирует как переломный момент — в фокус внимания советской медиевистики впервые попала самоценная культура. Она больше не сводилась к социально-экономическим объяснениям и идеологическим трактовкам (в духе хитрых жрецов, обманывающих крестьян и ремесленников с помощью религии), а была понята и объяснена в своих собственных терминах. При этом Гуревич, также начинавший как аграрный историк, предстает у Каждана переходной фигурой всей советской медиевистики [Kazhdan 1980: 272–273].
8. [Каждан 1968].
9. Имеется в виду Марк Блок (Marc Bloch, 1886–1944) — один из самых известных французских историков, специалист по западноевропейскому Средневековью, один из основателей журнала «Анналы. История. Социальные науки» и Школы «Анналов» — влиятельного направления во французской и международной исторической науке, переосмыслившего методологические принципы исторического исследования. На эти принципы открыто опирался и А.Я. Гуревич в «Категориях средневековой культуры» и в своей последующей научной деятельности; в 1973 году под его редакцией вышел русский перевод книги Блока «Апология истории» [Блок 1973].
10. Сережа — С.С. Аверинцев.
11. В рецензии А.П. Каждан делал обзор книги С.С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» [Аверинцев 1977].

12. Роман Сладкопевец — православный святой V–VI веков, гимнограф, известный как автор кондаков — литургических стихотворных текстов в честь крупных церковных праздников.
13. Нонн Панополитанский — древнегреческий поэт V века, выходец из египетского города Панополис, автор объемной эпической поэмы «Деяния Диониса» («Дионисиада», более 20.000 строк).
14. Бек Ханс-Георг (Hans-Georg Beck, 1910–1999) — один из крупнейших немецких византистов XX века, историк широкого профиля, автор исследований по византийскому искусству, народной литературе, религиозным взглядам и картине мира византийцев.
15. Немецкий журнал «Byzantinische Zeitschrift» — одно из ведущих мировых изданий по византистике. Х.-Г. Бек был его главным редактором в 1964–1977 годах.
16. Судя по контексту, подразумевается Бычков Виктор Васильевич (род. 1942) — советский и российский философ, исследователь античной, византийской и средневековой западноевропейской эстетики. В рецензии А.П. Каждана обзревается его книга «Византийская эстетика: Теоретические проблемы» [Бычков 1977], в том числе сопоставляются между собой подходы Бычкова и Аверинцева [Kazhdan 1980: 274]. При этом про подход Бычкова Каждан говорит, что тот объясняет византийскую эстетику психологически (возбуждение психики отдельного человека), — в отличие от Аверинцева, задействовавшего для своей интерпретации поэтику, теологию, политическую идеологию и работу с тонкостями эстетического языка.
17. Про живопись и идеологию Ренессанса в связи с В.В. Бычковым в рецензии А.П. Каждана ничего не говорится, да и сам Бычков не специализировался на этом периоде и этой проблематике. Скорее всего, здесь Каждан имеет в виду (хотя и шифруя под той же литерой «Б.») уже не его, а Якоба Буркхардта (1818–1897) — выдающегося швейцарского историка искусства и культуры, фактически заложившего основы культурологии как самостоятельной научной дисциплины. В своих трудах о Возрождении Буркхардт наряду с французским историком Жюлем Мишле популяризировал термин «Ренессанс», описал деятелей этой эпохи как «титанов Возрождения» и в целом представил Ренессанс как едва ли не кульминационный период истории всей европейской цивилизации. Одной из особенностей подхода Буркхардта было неоромантическое рассмотрение исторических эпох как тотальных произведений искусства, которые создаются гениальными современниками — творческими личностями (см., например, названия глав и подглав в его книге «Культура Возрождения в Италии» (1860): «Государство как произведение искусства», «Война как искусство», «Открытие человека», «Совершенный общественный человек» и др. [Буркхардт 1996]). Возможно, Буркхардта упоминал Л.М. в письме, на которое откликается Каждан, — поэтому обе фамилии оказались объединены в одном абзаце и зашифрованы одной буквой. Ср. также примеч. 11 к письму 5.
18. Журнал «Анналы» (см. примеч. 9).
19. Вероятно, речь о некоем проекте перевода на английский язык сборника статей советских историков-медиевистов для публикации в США.
20. Патлажан Эвелин (Évelyne Patlagean, 1932–2008) — французский историк-византист, специалистка по гендерной, социальной и экономической истории.
21. Метафора из поэмы В.В. Маяковского «Во весь голос».

10. А.П. Каждан — Л.М. Баткину
8 сентября 1982 года

Dumbarton Oaks
8.9.82

Дорогой Леня,

мой опыт подсказывает, что письма из России, как правило, доходят, доходят и твои, но не чаще, чем ты пишешь. Может быть, моя ошибка в том, что я — обычно — дожидаюсь письма, чтобы иметь хотя бы видимость диалога. Надо

писать не дожидаясь, но нет сил. Я думаю, что выражение *nulla dies sine epistula*¹ в применении ко мне — просто грандиозное преуменьшение.

Как раз недавно много говорили о тебе и о Мише² — случайно оказалась у нас в гостях одна дама из *Albany*, хорошо вас знающая³. Было грустно, и письмо твое не убавило этой грусти, особенно потому, что нет у меня совета, нет средства помощи. Хотя мне лично относительно хорошо, западный мир не лучшее место пожилых гуманитариев. И дело не только в языке (я, видимо, оказался глупым в языковом отношении: я не думал, что после 3½ лет я буду столь беспомощным, теперь мне ясно, что язык никогда не придет, как Тютчев к зырянам⁴. Конечно, я пишу по-английски и много — т.е. быстро, но что это за язык!) — как раз пару дней назад я получил письмо от одного близкого мне человека из Нюрнберга, коренного немца, профессора истории, умницы, к<ото>рый никак не может найти постоянную работу. «А мне уже вот-вот 50», — кончает он, и это звучит как приговор. В общем можно получить работу на год, какие-нибудь случайные заработки, — но «постоянство» ускользает. Надо быть програм<м>истом, математиком, механиком или «коммерсантом», как говорила моя теща об одесситах.

Я рад, что ты много работаешь, и я всячески поддерживаю твою идею о смене сюжета⁵. Не хочу показаться всеведущим, но я тоже старался, закончив область, переходить в другую, дабы не топтаться на месте и не защищать свои — уже высказанные — мысли. Именно поэтому, мне кажется, я всегда был спокоен перед лицом критики моих концепций — они становились отчужденными. Как-то, когда я советовался с Лемерлем⁶ об одной очень рискованной гипотезе, он написал мне: — Публикуйте, но не защищайтесь, если вас будут критиковать. Это очень важно. То, что здраво, все равно выживет (разве только забудут, что ты это придумал, — ну и фиг с ним!).

Арик⁷ раскритиковал мою статью⁸ в *Speculum*⁹. Он и прав, и неправ. Прав — потому что он держит в уме<,> как он бы написал. Неправ — потому что людей надо судить не по неделанному, а по сделанному. Но т.к. я ему ответил, мне скучно возвращаться к этому спору.

На днях отпраздновали мое 60-летие. Было 23 или 24 человека, водки выпили невероятно много, шумели и подконец поперли купаться в бассейн. Я был вдребезину пьян и едва нашел путь обратно из воды, даже ободрал руку, цепляясь за край бассейна. Очень смешно, что почта доставила поздравительные письма с большой точностью за 2–3 дня до юбилея. Как объяснить?

В письмах из Отечества почти всякий раз упоминания о смертях кого-нибудь из моего поколения. Надо бы привыкнуть смириться, в общем это не из больших открытий — что люди смертны. Но здесь умирают Романы Якобсоны¹⁰, а там — те, кого я помню маленькими мальчиками. Случайность или статистика? Не знаю.

Что тебе сказать про нашу жизнь? Вся беда в том, что я не знаю, что ты знаешь и чего нет. Работается мне хорошо, Мусе¹¹ гораздо хуже, т.к. у нее нет постоянной службы и она перебивается уроками русского языка. Но самой работой она довольна, хотя уроки — непрочное занятие, и они то есть, то исчезают. То, что называется «квартирными условиями», — не по статусу великолепно, ДО¹² сдает мне в аренду за гроши половину трехэтажного дома в районе для миллионеров, с выходом прямо в сад, с плавательным бассейном. Одно страшно — что это когда-нибудь кончится. Большая радость — автомобиль. Мы оба получили права, и это здесь необходимость. Общественный транс-

порт — уродский (кроме Нью-Йорка), и без машины никуда не попадешь. Кроме того, страна дьявольски красива, и это удовольствие — уехать в какой-нибудь national park⁴³ и гулять там, не встречая никого, вдоль речек, по холмам, поросшим деревьями, названий <ото>рых я еще не выучил. Возможность ездить за границу ограничена практически лишь материальными условиями, — в моей ситуации это зависит от приглашений. На свои деньги в Европу съездить трудновато. Но пока приглашения еще идут: весной мы с Мусей были в Израиле, Шотландии и Кембридже, в октябре я собираюсь под Париж, в Брюссель и Амстердам. К сожалению, все это надо отрабатывать — лекциями, докладами, мучительным сном на заседаниях. Хорошо бы просто поехать, останавливаться в отелях, фланировать, — пока не получается. Среди разбитых иллюзий — высокое качество работы. Штаты отравлены бюрократией. Впрочем, кое-что еще уцелело — например, безошибочный набор¹⁴. Ума не приложу, как американцы дают первую корректуру с 1 опечаткой на 10 страниц в среднем. Печатание — не проблема: журналов много, только пиши. К сожалению, во многих надо ждать годами. Гонораров в научной периодике нет, в Speculum надо было самому платить за оттиски, кое-где получаешь хотя бы рецензионный экземпляр — и это все (и то не везде). Мое положение — привилегированное. ДО в системе Гарварда, и потому a priori любое издательство возьмется печатать книгу, даже сами просят. Одна уже вышла — у себя в ДО¹⁵; надеюсь, к концу 83 г. иметь другую — в Cambridge University Press¹⁶.

Вся моя информация ограничена и эгоцентрична. Но я знаю мало и вижу мало, да и письмо — ограниченный (листом) жанр. М<ожет> б<ыть,> и я мог бы рассказать больше, если бы написал 100 страниц, но не могу (физически).

Обнимаю тебя, Леня, и желаю всего хорошего.

Может быть, увидимся когда-нибудь, кто знает...

Твой С.

Примечания

1. «Ни дня без письма» (*лат.*).
2. Баткин Михаил Леонидович (род. 1966) — сын Л.М.
3. Речь идет о Софье Иосифовне Лубенской (1935–2015) — друге Л.М., лингвистке, профессоре университета в Олбани, авторе Русско-английского фразеологического словаря [Лубенская 1997].
4. Из стихотворения А.А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (декабрь 1883): «У чукчей нет Анакреона, / К зырянам Тютчев не придет».
5. Л.М. считал, что свои основные идеи об итальянском Возрождении он уже высказал в опубликованных к тому времени работах. В эти годы у него стало появляться желание отойти от итальянского Возрождения. В воспоминаниях «Историк о себе» он пишет: «Было бы захватывающе интересно — лет 15 тому назад я упорно думал о чем-то подобном! — переселиться мыслью в другую страну и в другую эпоху, уже тем самым освежить голову, рискнуть по-своему понять совсем другую, не итальянскую и не ренессансную, ситуацию. Продолжая тем не менее прежнюю линию на исследование культурно-исторических форм “я”. Ах, это могла бы быть “Исповедь” Руссо!» [Баткин 2002: 108]. Л.М. раздумывал и над тем, чтобы перейти совсем в иную область: так, его занимали личность М.М. Пришвина и его дневники, романы Дж. Фаулза и М. Кундеры [Баткин 2002: 108]. В последние годы жизни он все-таки перешел «в другую страну и в другую эпоху», опубликовав книгу «Личность и страсти Жан-Жака Руссо» [Баткин 2012] и статью «Заметки об индивидуализме Дидро» [Баткин 2016].

6. Лемерль Поль (Paul Lemerle, 1903–1989) — французский историк — медиевист и византист, основатель Международной ассоциации византийских исследований (*АИЕВ*).
7. А.Я. Гуревич.
8. [Kazhdan 1982].
9. «Speculum: A Journal of Medieval Studies» — журнал Американской академии медиевистики, наиболее престижный журнал по исследованиям Средневековья. Издаётся с 1926 года.
10. Р.О. Якобсон умер за полтора месяца до этого письма; был старше А.П. Каждана на поколение.
11. Римма Александровна Ивянская, жена А.П. Каждана.
12. Дамбартон-Оукс (см. примеч. 1 к письму 9).
13. Национальный парк (*англ.*), особо охраняемый на федеральном уровне природный парк, где ограничена хозяйственная деятельность, но разрешен туризм.
14. То есть машинописный или печатный текст, набранный без ошибок и опечаток.
15. [Kazhdan, Constable 1982]. Соавтор — Джайлз Констебль (Giles Constable, 1929–2021), историк-медиевист, специалист по французской церковной истории позднего Средневековья, директор Дамбартон-Оукс в 1977–1984 годах.
16. [Kazhdan, Franklin 1984]. Соавтор — Саймон Франклин (Simon Franklin, род. 1953), британский славист, специалист по Киевской Руси и средневековой российской истории, со-ставитель библиографии А.П. Каждана [Franklin 1992].

Садомская Наталья Николаевна (1927–2013) — советский и российский историк и антрополог, диссидентка. Вместе с мужем Б.И. Шрагиным активно участвовала в правозащитном движении, выступала в поддержку А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля, А.И. Гинзбурга. В 1974 году Садомская и Шрагин эмигрировали в США, где Садомская занималась преподавательской и исследовательской деятельностью, специализируясь на проблемах этничности и национализма. В 1994 году вернулась из США в Россию; по возвращении стала работать в Центре социальной антропологии в РГГУ.

Шрагин Борис Иосифович (1926–1990) — советский философ и публицист, диссидент. Вместе с женой Н.Н. Садомской активно участвовал в правозащитном движении, выступал в поддержку А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля, академика А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, Г.Г. Суперфина. В 1974 году Шрагин и Садомская эмигрировали в США, где Шрагин занимался преподавательской, публицистической и журналистской деятельностью, в том числе работал радиожурналистом на радио «Свобода»* в Нью-Йорке.

**11. Л.М. Баткин — Н.Н. Садомской и Б.И. Шрагину (машинопись)
18 января 1975 года**

Дорогие друзья,

я получил и Борину открытку, и ваше общее новогоднее послание, такое приветливое и грустное...¹ Нет, мы вас помним, милые, каждая весточка от вас волнует, в каждую интонацию вслушиваешься испытующе. Получать письма хорошо, отвечать трудно. Наверно, нечто подобное испытываете и вы, хотя и по причинам иного рода.

* Внесено Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов.

Как выполнить Борину просьбу, как «передать немного московского воздуха»? Неужто рассказывать об очередной реорганизации в нашем институте², в результате коей А.Я. Гуревич и я были, невзирая на наши протесты, зачислены во вновь созданный... сектор информации... в который согнаны всякие людишки с бору по сосенке и который, будучи придуман в виде этакого институтского задворья, конечно, будет закрыт года через полтора, ради дальнейшего совершенствования и пользы дела? Неужто вдаваться в подробности прохождения (или непрохождения) всяких сборников?³ Э, скучно. Как сказано, к тому же, в одном старом стихотворении знакомой мне харьковской поэтессы: «Не ври, не ври, здоров, не болен, свою судьбу благодари, ешь хлеб и мясо, будь доволен и лишних слов не говори»⁴.

Позавчера удалось посмотреть новый фильм Тарковского «Зеркало»⁵, ни на что не похожий из виденного мною прежде, фильм, о котором нужно рассказывать часами, думать, спорить, печалиться, фильм, о котором нельзя рассказывать... Трудно даже объяснить в нескольких словах, о чем эта лента. Зеркало памяти, зеркало времени, зеркало, в которое глядится душа человеческая, и каждый из нас отражается в сознании другого, и прошлое просвечивает в настоящем, и настоящее замыкается в прошлом, и большая история в частной судьбе. Фильм, который, возможно, прокручивается в сознании главного героя, сорока лет от роду, которого мы так и не видим на экране, зато видим его мальчиком, и видим его сына (это тот же самый мальчик), его мать, какой она была в молодости, в конце 30-х годов, и его жену (мать и жену играет одна и та же актриса — Терехова — без изменений грима). Прошлое и настоящее то и дело перепутываются, зеркало раскалывается на множество осколков-эпизодов, осколков-впечатлений, на мозаику метафор, ассоциаций, видений, до боли вещественных и осязаемых, очень понятных каждое само по себе, очень непонятных по буквальному сюжетному смыслу, будто ключ утерян, будто надо вместе с героем мучительно собирать осколки, догадываться о главном, о смысле прожитого, о том, что впрямь повторяется и что повторяется мнимо... разгадывать сон нашей жизни и сны истории нашей. И зеркало складывается, собирается, и фильм в целом начинает казаться предельно простым, только целое тут же колышется, расплывается — и снова кристаллизуется с пронзительной и горькой ясностью. В конце герой умирает и произносит последнюю свою фразу в фильме: «Оставьте меня в покое. Я просто хотел быть счастливым».

В сущности, мне так же трудно что-то вразумительное выговорить об этом фильме-метафоре, сделанном в трудной, загадочной и вместе с тем осязаемой форме, вроде мандельштамовских стихов (кстати, есть в нем и стихи — Тарковского-отца, читаемые за кадром автором), — так же трудно рассказать о «Зеркале», как и просто о себе, о пережитом за ушедший год. Ничего не происходит и все происходит. В сердце. В голове. В судьбе. Художник делает из этого нечто общеинтересное. Остальные граждане в менее выгодном положении.

А вот вы, мои дорогие, можете при случае — только, разумеется, на это нет времени, нет сил у вас — не мудрствуя лукаво, просто описать свой обычный день... свой дом... новых знакомых... да что угодно. И мы тут станем стараться представить себе Борю и Наташу, их житье-бытье на Вашингтон авеню, 38...⁶ Алиса⁷ недавно написала, что, дескать, у нее такое чувство, что раньше она спала и вот — проснулась. Наверно, она просто смотрит другой сон?

Простите за многозначительную невнятицу. Я в последние месяцы решительно не в форме, почти не работаю — не могу. Не считайтесь письмами и не

обижайтесь, что пишу редко и обычно кратко. Отвечаю на Борин философический вопрос: раньше забывают те, чья жизнь полнее и новее... не говорю уж счастливей... кто обладает новой ее мерой. Только вот...

Будьте здоровы и покойны. Приветы от Инны.

Ваш Л.

Получили ли мою новогоднюю открыточку?⁸

18/1-75

Примечания

1. Н.Н. Садомская и Б.И. Шрагин на новогодних праздниках прислали Л.М. из США совместную рождественскую открытку. В ней, в частности, Шрагин в шутовском тоне делился своей грустью о том, что коммуникация с корреспондентами из СССР затруднена, и возникает ложное ощущение, будто те вообще забывают эмигрировавших: «Интересный вопрос: эмигранты скорей забывают оставантов или наоборот. Надеюсь, Новый Год подтвердит, что сама постановка проблемы ложна». В другой, гораздо более ранней открытке (от 12 апреля 1974 года), Шрагин писал: «Напиши, дружище. Передай хоть частичку московского воздуха».

2. Про эту реорганизацию Л.М. в позднейших воспоминаниях напишет следующее: «В ИВИ произошла очередная реорганизация, страноведческие группы закрыли, было непонятно, в какой сектор мне приткнуться. В сектор истории средних веков я попасть, упаси боже, сам не хотел, да и меня не выносили, в секторе истории общественных течений во главе с Кучеренко, где подвизался Штекли, меня тоже не хотели. Я попал в “сектор информации” (позже “и историографии”, когда заведование перешло к американисту Согрину). Там же позже оказался и А.Я. Гуревич, пока не перешел в сектор демографии к Ю.Л. Бессмертному. Когда вышло указание усилить “контрпропаганду”, то есть изобличение “буржуазных ученых”, в секторе, если ничего не пугаю, появился Сергей Станкевич, ведавший тогда на общественных началах группой по контрпропаганде при райкоме КПСС. <...> Находиться в секторе мне стало невозможно. На первом же заседании, посвященном контрпропаганде, я сказал, что лучший способ разоблачить Тойнби, Ле Гоффа и пр. — это переводить их сочинения, чтобы их антимарксистская сущность стала для всех самоочевидной» [Баткин 2013: 92–94]. ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР. Кучеренко Геннадий Семенович (1932–1997) — советский и российский историк, занимавшийся философией и общественной мыслью эпохи Просвещения (в частности, утопическим социализмом); в 1987–1990 годах — дипломат (в ЮНЕСКО). Штекли Альфред Энгельбертович (1924–2010) — советский историк, специализировавшийся на западноевропейском утопическом социализме XVI–XIX веков. Согрин Владимир Викторович (род. 1945) — советский и российский историк-американист. О Ю.Л. Бессмертном см. примеч. 2 к письму 3. Станкевич Сергей Борисович (род. 1954) — советский и российский историк и общественный деятель, с конца 1980-х — политик, участник нескольких политических и коррупционных скандалов. Фраза Л.М. про «антимарксистскую сущность» зарубежных теоретиков истории — сарказм в адрес занимавшегося пропагандистской борьбой с «буржуазными учеными» Станкевича: под видом разоблачения «идеологически чуждых» исследователей вместо цензурного запрета их работ фактически предлагается их публикация.

3. В эти годы статьи Л.М. выходили в основном не в исторических изданиях, а в журналах других дисциплин и другого профиля — «Вопросы философии», «Вопросы литературы», «Наука и религия». Рукопись книги «Сущность итальянского Возрождения» (о которой см. письма 4–5, примеч. 2 и 6 к письму 5, а также примеч. 1 к письму 2) «была принята, впрочем, тем временем к печати в издательстве “Искусство”, ее даже успели отредактировать», но набор был рассыпан из-за «закрытого» погромного отзыва официального советского искусствоведа В.Н. Гращенкова (1925–2005). «В издательстве, опираясь на внушительную экспертизу профессора МГУ, потребовали от меня изменить... да так, кое-что... Всего только концепцию, структуру и стиль! Без тени улыбки, как и полагается истинным остроумцам» [Баткин 2002: 51].

4. Строки из стихотворения М.Д. Рахлиной (см. письма 15–16) «Не ври, не ври, здоров, не болен...» [Рахлина 1990: 25]. Первая публикация этого стихотворения — в сборнике «Надежда сильнее меня» [Рахлина 1990], однако написано оно было гораздо раньше, между 1956 и 1964 годами, как указано в посмертном издании «Собрание стихотворений. Роман в стихах» [Рахлина 2015]. Произведения М.Д. Рахлиной долгое время не издавались в советской печати: после сборника «Маятник» [Рахлина 1968] и вплоть до «Надежда сильнее меня» официальных публикаций у нее не было, ее стихи перепечатывались от руки, «хотели» в списках, в самиздате.

5. Эти впечатления от фильма А.А. Тарковского «Зеркало» (1974) вскоре легли в основу большого эссе Л.М. «Не боясь своего голоса: “Зеркало” А. Тарковского», которое он написал в апреле 1975 года [Баткин 1994: 129–160]. В 1988-м Л.М. вспоминал, что передал статью режиссеру и киноведу А.В. Мачерету: «Могу с удовольствием вспомнить, что она ему понравилась и что Андрей Тарковский, которому Мачерет ее послал, только спросил по прочтении: “Что я могу сделать, чтобы помочь ее опубликовать?”» [Баткин 1994: 129].

6. Первый адрес Н.Н. Садовой и Б.И. Шрагина в США (в Бруклине, Нью-Йорк).

7. Мошинская Алиса Ефимовна (1933–2018) — учитель музыки, друг юности Л.М., последние годы жила в Сиэтле.

8. Поздравительная открытка от декабря 1974 года. Не все корреспонденции в переписке с эмигрантами доходили быстро, многие терялись, какие-то перехватывала цензура (см. об этом начало следующего письма), поэтому Л.М. удостоверяется, была ли его предыдущая открытка доставлена, и одновременно показывает, что он хоть и нерегулярно, но продолжает писать Н.Н. Садовой и Б.И. Шрагину, не забывает их, а молчание возникает из-за внешних обстоятельств.

12. Л.М. Баткин — Н.Н. Садовой и Б.И. Шрагину Октябрь 1984 года

Боря, Наташа, милые!

Какая неожиданность: я могу наспех черкнуть письмецо вам! Мои открытки, как я понял, до вас не дошли. На Лубянке¹ меня спрашивали «в каких отношениях я нахожусь со Шрагиным и Садовой, обозревателями “Свободы”²» (sic!² оба туда попали вы!). Ваша (Наташина) открытка прорвалась под Новый год. Но на сей раз я уже не ответил. Бесполезно. Я «под негласным надзором», как говаривали в старину. И называть Борю своим другом на Лубянке — плохой способ обеспечить бесперебойность переписки. О себе — некогда. Я сильно зажат — особенно после «Метрополя» и особенно после этого допроса 3 года т<ому> назад, о котором сообщено было в ин<ститу>т (затем в очередной раз сорвали защиту³ и пр. — ну-с, это все мелочи). Пишу о Линочке⁴. Она была схвачена при очередной встрече с дипломатами, как вы знаете. Появилась заметка в газетах («С поличным»). При аресте она была спокойна и улыбалась (ждала этого давно, два обыска, предупреждения и пр., жила в ожидании лагеря). А дипломаты, естественно, напугались. Они-то не ждали... Оказалась (для них, для посольства) удобной версия: Лина стала «их» агентом (т.е. КГБ). Пополз мерзкий слухок. Тем временем Лина в Лефортово вела себя замечательно (т.е. оставалась собой, а необычность ее личности и манеры не втямится американским дипломатам в башки, как и следователям ГБ). Отказалась от дачи официальных (под протокол) показаний (хотя в беседах со

* Внесено Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов.

следователем не отрицала своих действий, избобличала «их» в своей кандидовской манере — ведь она «Кандид, или Простодушный»⁵), готовилась к речи на суде... Но: у нее уже два года опухоль груди (я не знал...). Об этом заявили (туда) ее друзья. Началось медицинское обследование. Подтвердился после пункций рак. Тогда ей изменили меру пресечения, выпустили⁶ — и она прямиком из Лефортово попала на Каширку⁷, а затем в Онкологический ин<сти-ту>т им<ени> Герцена⁸. Там установили после 3-х недель обследования: рак молочной железы с метастазами по всей лимфосистеме. Примерно 3-я стадия. (Она знает диагноз в смягченной несколько форме — в отн<ошении> прогноза и стадии — но знает). Лечиться (здесь) она отказалась. Вчера выписалась из больницы. Следователь (В.Н. Милёхин, капитан) сказал еще раз, что суд — будет. Он же, впрочем, намекал, что, м<ожет> б<ыть>, ей разрешат уехать⁹. Но пока это в тумане, надежд особых нет. Мы все в ужасе. Врачи сказали Библеру¹⁰ и пр., что через 3–5 месяцев «лимфа пробьет», т.е. начнется метастазирование во все внутр<енние> органы. Мечтаем, что она уедет (до суда? после?.. полный туман и ужас...) — и там ее немедленно и по-настоящему начнут лечить (если чудо произойдет — немедленно принимайте меры для ее госпитализации). Но не верится.

Никаким гадким слухам о Лине не верьте. Она — неподражаемо мужественный (и естественный — что реже и мужества) человек, удивительный человек. Ее судьба при этом — оставаться в тени. Она тихо, без рекламы шла в лагерь на верную смерть (и без рака — куча страшных болезней), светло умрет, смерти не боится и — остается прежней, застенчивой и твердой. Ничему плохому о ней никогда не верьте. Любите ее и молитесь о ней (уж не знаю, какому начальству на Небесах). Жить ей недолго.

Я вас обнимаю. Простите за торопливые каракули. Официальная переписка невозможна, конечно.

Р.С. Часто ночью, во время бессонницы, включаю в темноте транзистор — и вдруг слышу над ухом, словно рядом, Борин голос. (В моем р<айо>не ночью глушат вяло¹¹).

Примечания

1. Л.М. допрашивали в КГБ в 1981 году, после выхода «Метрополя», пытаюсь добиться от него публичного раскаяния за участие в этом проекте; о допросе Л.М. оставил воспоминания: [Баткин 2013: 116–119]. О разгроме «Метрополя» в Союзе писателей СССР см. публикацию: [Заламбани 2006].

2. «Так!» (*лат.*).

3. Л.М. в очередной раз не дали защитить докторскую диссертацию (защита по материалам научного доклада «Итальянское Возрождение как исторический тип культуры» произойдет только в 1991 году).

4. Туманова Лина Борисовна (1936–1985) — философ, диссидентка. Специализировалась на проблемах диалогической логики. За правозащитную деятельность была арестована и посажена в Лефортовскую тюрьму, из которой ее вскоре выпустили до суда, так как у нее было обнаружено онкологическое заболевание. Вот как арест Тумановой описывался в эмигрантском информационном издании «Вести из СССР»: «4 июля 1984 на улице в Москве были задержаны советская гражданка Лина Борисовна Туманова, второй секретарь политического отдела посольства США Джон Р. Пернэлл {John R. Purnell} и второй секретарь консульского отдела посольства США Джордж Гласс {George Glass}. Задержание было произведено в момент, когда Л. Туманова передала дипломатам пачку бумаг. Л. Ту-

манова и дипломаты были окружены 12 агентами КГБ. Они немедленно отобрали бумаги, которые дипломаты не успели даже посмотреть, посадили всех троих в машину и отвезли в отделение милиции. Дипломатов вскоре отпустили, а Л. Туманова была арестована» (Арест Лины Тумановой (1984, 13–1) // Вести из СССР. 1984. № 13. 15 июля (URL: vesti-iz-sssr.com/2016/12/22/arrest-liny-tumanovoi-1984-13-1)). В октябрьском выпуске «Вестей из СССР» сообщались подробности: «У Дж. Пернелла, задержанного как и Дж. Гласс, вместе с Л. Тумановой, были отобраны переданные ему Л. Тумановой материалы, в том числе рукопись Николая Крючкова, ряд открытых писем и обращений, две записки, адресованные проживающему в США Олегу Попову. В отделении милиции, куда доставили задержанных, Л. Туманову подвергли личному обыску, который ничего не дал. После этого следователи Попов и Глазков отвезли Л. Туманову домой для обыска в ее квартире. Были изъяты только личная переписка Л. Тумановой, несколько фотографий, записи телефонов и адресов и три фотокопии книги Ф. Ницше, изданной до 1917. Л. Туманова отказалась подписать протокол обыска. Затем во время первого допроса она отказалась и от дачи показаний. Л. Туманова была помещена в Лефортовскую тюрьму КГБ. Ей было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР. Дело вел капитан КГБ Валерий Николаевич Мелехин, в следствии участвовал также следователь В.С. Сорокин» (Дело Лины Тумановой (1984, 19/20–6) // Вести из СССР. 1984. № 19/20. 31 окт. (URL: vesti-iz-sssr.com/2016/12/24/delo-liny-tumanovoi-1984-19-20-6)). Воспоминания Л.М. о Тумановой также см. в «Эпизодах моей общественной жизни» [Баткин 2013: 51–53]. Издание «Вести из СССР. Права человека» — информационный правозащитный бюллетень, выходивший в 1978–1991 годах, как правило, раз в две недели. Его основатель и главный редактор — Кронид Аркадьевич Любарский (1934–1996), диссидент, политзаключенный и политэмигрант, глава Московской Хельсинкской группы в 1994–1996 годах. Издание осуществляла организация «Тетради самиздата» (Брюссель).

5. Л.М. контаминирует названия двух философско-сатирических повестей Вольтера: «Кандид, или Оптимизм» (1759) и «Простодушный» (1767).

6. «19 сентября 1984, после того как ознакомление с делом было закончено, мера пресечения Л. Тумановой была изменена на подписку о невыезде, и ее освободили из тюрьмы. Ей сказали, что суд состоится, как только это позволит ее здоровье. Сразу после освобождения Л. Туманова легла на обследование в онкологическую клинику, из которой вышла лишь недавно» (Дело Лины Тумановой (1984, 19/20–6)).

7. Всесоюзный онкологический научный центр Академии медицинских наук СССР (ныне — Национальный медицинский исследовательский центр онкологии имени Н.Н. Блохина) в Москве на Каширском шоссе, д. 23.

8. Московский научно-исследовательский онкологический институт имени П.А. Герцена.

9. Л.Б. Тумановой не разрешили выехать за границу на лечение, она умерла в Москве 15 апреля 1985 года: «Л. Туманова хотела выехать из СССР для медицинского освидетельствования за рубежом, но ей в этом было отказано» (Смерть Лины Тумановой (1985, 7/8–2) // Вести из СССР. 1985. № 7/8. 30 апр. (URL: vesti-iz-sssr.com/2016/12/07/smert-liny-tumanovoi-1985-78-2)).

10. Библер Владимир Соломонович (1918–2000) — выдающийся советский и российский философ, теоретик культуры, создатель оригинальной логико-философской концепции, построенной на принципах культурно-философского диалога («диалогики»); реформатор школьного образования. Руководитель многолетнего неофициального теоретического семинара по проблемам философской логики и философии культуры. Л.Б. Туманова посетила этот семинар и стала активной сподвижницей Библера. См. также воспоминания Л.М. о Библере во втором издании книги «Пристрастия» [Баткин 2002: 249–255] и в «Эпизодах моей общественной жизни» [Баткин 2013: 48–51].

11. Радиоглушение — одна из форм государственной цензуры, активно применявшаяся в СССР во время холодной войны: подавление радиосигналов и создание преднамеренных помех на волнах вещания иностранных радиостанций. Радио «Свобода»*, где работал Б.И. Шрагин, было одним из основных объектов глушения.

* Внесено Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов.

13. Б.И. Шрагин — Л.М. Баткину (машинопись)
Ноябрь—декабрь 1984 года

Дорогой, спасибо тебе огромное за «письмецо». Так это редко теперь стало — услышать живой, дружеский голос «с Востока». Связи изнашиваются, рвутся — и механически, и психологически. Заедает будничная суета и, кажется, нет возможности противиться этому процессу. Ведь 10 уж лет миновало, — как мы виделись последний раз, — одна шестая часть моей (не столь уж молодой) жизни. Думать про все про это — как заглядывать в бездну. Спасибо, что написал про Лину¹. Об ее аресте я узнал в тот же день (из официальных сообщений) и мы не находили себе места. Ужасно, что так трудно сделать что-либо полезное, как-то практически помочь. Если ее отпустят, мы, конечно, сделаем все возможное, чтобы добиться для нее медицинской помощи, хотя, честно говоря, в данный момент я толком не знаю, что тут можно сделать. Медицина в Америке, хоть и гордится она своими достижениями по части всяческой техники, но понуждает при встречах с нею каждый раз вспоминать старика Карла Маркса. Сострадание или какие-то другие высшие соображения у здешних медиков отсутствуют — голый чистоган. Так что прежде всего надо будет разыскать, кто возьмет на себя оплату лечения (стоит оно тут баснословно — долларов полтора-два за один день пребывания в больнице). Но все это — конечно, мелочи и я постараюсь предпринять все, что в силах человеческих. Просто пишу про все про это, чтобы вы представляли себе обстановку. С ужасом думаю, что даже и со времени твоего письма прошла не одна неделя, понимая, что время не терпит. Что касается «слухов», то, насколько мне известно, они до наших краев не дошли и пусть это вас не тревожит. Впрочем, чтобы предотвратить их зловерное действие, я постараюсь что-нибудь предпринять, поставив о них в известность соответствующее ведомство². Подробный отчет о деле Лины появился в последнем выпуске «Вестей из СССР» (№ 19/20)³ — там есть практически все общеинтересное из того, что есть в твоём письме. Впрочем, в «большую прессу» из этого ничего не попало — интерес [к] подобным историям сильно поубавился. Не знаю, дошло ли это до вас, но статью Лины про Сопеляка⁴ мы напечатали в «Трибуне»⁵, — издании, которому я отдал много сил, что не помешало ей закрыться после шести номеров. Денег нет, времени нет, читателей нет. Ко всем испытаниям, которые выпали на долю нашему поколению российских «либералов», как показало время, выпало еще одно — оказаться в меньшинстве. В эмиграции это, вероятно, чувствуется еще больше, чем в «метрополии». Впрочем, боюсь, что это дает о себе знать и у вас. Лина, все, что она делает и как поступает, остается для меня лично большой моральной поддержкой — важно знать, что наперекор временам и пространствам, они нас не разделили и, следовательно, есть еще почва под ногами. Мне всегда нравилось то, что Лина писала и что успело до меня дойти, — я говорю не только о содержании, но и о тоне, о чистоте авторского голоса, о неподдельности языка и эмоций, об «экзистенции». Я всегда знал, что мы едины в самом существенном — и в Москве еще, и потом. Пишу это все в надежде, что она придет и ей передать. Лина в трудные минуты сумела разомкнуть мое духовное одиночество, поддержать ощущение, что не отбиваюсь я куда-то совершенно в сторону, что то удивительное единодушие в каких-то главных вещах сохраняется. Всем некогда посчастливилось пережить все еще живо. Думаю

часто и про тебя. Не знаю, как ты настроен, о чем мыслишь, над чем работаешь сейчас, но должен тебе сказать, что в наших давних дискуссиях ты, по моим сегодняшним представлениям, был ближе к истине, чем я, — ближе к земле, ближе к реальности. Надеюсь, ты поймешь, что я имею в виду. А имею я в виду старика Бернштейна⁶, который умел отличать «программы» от «действительного движения». С огромной личной благодарностью вспоминаю то, что ты писал и про Компанеллу⁷, и про Макиавелли⁸, и про «трагизм культуры»⁹. Прожив десятилетие на Западе и постепенно меняясь под его воздействием, я смог оценить в тебе «западного человека». Запад — это не земля обетованная, не «царство добра», не цитадель свободы и прочее. Такого рода представления — сами по себе, скорее восточные, чем западные, хотя и вынашиваются нашими «западниками». Я пожил в здешнем мире достаточно, чтоб понять, насколько нелегко тут жить, насколько люди отчуждены тут друг от друга, насколько гнетет их вечная неуверенность в завтрашнем дне. Все это правда. И нет ничего удивительного, что люди вроде Светланы А.¹⁰ не выдерживают. Но зато есть в этом мире глубокое знание о том, что жизнь в сути своей трагична, что добро и зло, правда и ложь в ней всегда смешаны и поэтому столь тяжек, столь неокончателен любой выбор. Но отсюда же на западе — и мудрая терпимость, и плюрализм, и свобода, и открытость в историю. Я не знаю ни одного из современных авторов, пишущих на русском языке, который бы понял бы и выразил бы все это лучше тебя. В истории западной политической мысли все это было впервые открыто Макиавелли. С него начался тот релятивизм политических понятий, который отделил новое время от средневековья и древности. Без такого релятивизма невозможна политика в современном ее смысле<, > и нет ничего удивительного, что никто из нас до политики так и не дорос. И вот ты, как мне представляется, дорос до нее по крайней мере теоретически. Не знаю, достаточно ли внятно я выражаюсь. Ведь пишу я письмо, а не трактат. Но, надеюсь, ты поймешь, что я хочу сказать. Это тот контекст, в котором не представляются наши былые разговоры, когда я спорил и не соглашался с тобой. Воспоминания об этих разговорах помогают мне сегодня выбираться из тушика абстрактного морализма и позирующей «экзистенции». Я бросил сейчас красивое резонерство и пытаюсь отделаться от нашего невежества в науке, которую здесь называют «политологией». Государственные конституции, избирательные системы, структуры политических партий, принципы взаимодействия государственных и общественных организаций, средства массовой информации и все такое прочее. Литературы, конечно, полно. Но времени все это переварить — уже до обидного мало. Но все-таки надеюсь добраться до чего-то полезного и успеть это зафиксировать, передать. Ты до обидного мало написал о самом себе и о наших общих друзьях. Пожалуйста, напиши подробнее, если имеющаяся сейчас возможность еще не иссякнет. Кем я интересуюсь, ты знаешь. И уж, во всяком случае, передай всем наш с Наташкой¹¹ привет, нашу любовь. Что же еще рассказать о нас? — Живем, приспособились, привыкли. Здешний мир не благосклонен к интеллектуалам. Академическая публика заедена борьбой за физическое выживание. В ней нет ничего от той атмосферы гуманистического общения, которую ты как-то описал. Приходится мириться с одиночеством. Вернее, ситуация такая, что друзей много, а поговорить всерьез и о чем хочется — почти что не с кем. Что же касается нашей эмиграции, то она годилась бы только что разве для социологического анализа — как метрополи[я] автоматически воспроизводится выходцами из

нее. Все у нас тут есть<: > и карьеризм, и хамство, и коррупция, и доносы, и цензура. Не достает только власти, чтобы все это закрепить в соответствующих институтах. Меня уже несколько раз обвиняли печатно в «клевете» на отечество. Слава богу, тут с этим можно жить — не тужить. Случилось так, что в этот наш исход почти не попали люди, которые сумели создать прекрасную среду лет двадцать-пятнадцать назад в Москве. Думаю, потому, что все это были достаточно разумные люди, чтобы не искать решения всех своих проблем в «исходе». Уехали, как мне теперь кажется, публика поплоше — если судить в основном. Но допускаю, что такова моя нынешняя иллюзия. Как бы там ни было, стараемся остаться самими собой. Наташа преподает антропологию вполне на здешнем уровне, чего добиться было ей нелегко. Ну, а про мои занятия ты знаешь. Утешаю себя мыслью, что они не совсем бесполезны. На домашние занятия почти не остается времени. Если уж в Америке работают, то остается время только есть, спать, да телевизор смотреть. Если бы Лину все-таки отпустили, при любых обстоятельствах встретим мы ее с любовью. По-моему, чем сможем. И уж наобщались бы власть. Всем привет. Обнимаю и жму руку. Отпиши, если еще будет возможность.

Примечания

1. См. предыдущее письмо и комментарии к нему.
2. Не до конца понятно, какое «соответствующее ведомство» имеет в виду Б.И. Шрагин, — возможно, он подразумевает Государственный департамент США, поскольку в деле оказались замешаны американские дипломаты.
3. Дело Лины Тумановой (1984, 19/20–6). См. примеч. 4 и 6 к письму 12.
4. Сапеляк Степан Евстафиевич (1951–2012) — украинский поэт, публицист, общественный деятель и диссидент. В 1973 году был осужден на 5 лет тюрьмы и 3 года ссылки по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Даже после окончания заключения и ссылки КГБ продолжало создавать ему многочисленные препятствия для жизни и работы, принуждая к «покаянию» и сотрудничеству. Л.Б. Туманова опубликовала в его защиту «Открытое заявление в защиту Степана Евстафиевича Сапеляка» (Трибуна. 1983. № 4. Октябрь. С. 13–15).
5. «Трибуна» — журнал-газета эмигрантского социал-демократического движения, издававшаяся во Франции и затем в США. Б.И. Шрагин был одним из создателей «Трибуны» и членом ее редакционного совета.
6. Бернштейн Эдуард (Eduard Bernstein, 1850–1932) — немецкий публицист и политик умеренно-социалистической и социал-демократической направленности, идеолог бернштейнианства — реформистского течения, пересматривавшего ряд ключевых положений марксизма. Один из постулатов бернштейнианства известен под условным обозначением «движение — все, цель — ничто», то есть защита прав рабочих и улучшение их социального и экономического благополучия важны не в контексте будущей победы социалистической революции («цель»), а сами по себе, как часть постепенного процесса эволюционного «движения» капитализма к социал-демократии и далее к социализму. При этом Бернштейн обыгрывал изречение К. Маркса из эссе «Критика Готской программы»: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ» [Маркс 1961: 12].
7. Б.И. Шрагин имеет в виду статью «Парадокс Кампанеллы» [Баткин 1971а].
8. К фигуре Н. Макиавелли Л.М. обращался неоднократно; вероятно, Б.И. Шрагин подразумевает одну из первых работ Л.М. на эту тему — статью «Макиавелли: опыт и умозрение» [Баткин 1977].

9. Трагизм (ренессансной) культуры — еще одна тема, которую Л. М. затрагивал в разных трудах. Скорее всего, Б. И. Шрагин имеет в виду статью «Об истоках трагического в Высоком Возрождении» [Баткин 1978б].

10. Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011) — дочь И. В. Сталина, оставившая ряд мемуаров о нем и его окружении, самые известные из которых — книга «Двадцать писем к другу» [Аллилуева 1967]. В 1967 году эмигрировала в США, где жила под именем Лана Питерс (по новому мужу). В конце ноября 1984 года неожиданно вернулась в Советский Союз; в 1986-м ей разрешили снова уехать в Соединенные Штаты.

11. Н. Н. Садамская.

Бернадская Елена Викторовна (1918–2004) — историк-медиевист, выдающийся знаток и исследователь латинских, средневековых и гуманистских рукописей Западной Европы, специалист по классической и позднесредневековой истории Италии. В 1955–1979 годах работала в ГПБ, также по совместительству с 1956 года участвовала в работе кафедры истории средних веков ЛГУ.

14. Е. В. Бернадская — Л. М. Баткину Декабрь 1988 года

Дек<абрь> 88

Дорогой Леонид Михайлович!

Только недавно на один день получила «Иного не дано...»¹ и не могу сдержать свой восторг по поводу Вашей статьи². Она несравненна и по мыслям, и по формулировкам и по стилю. Разумеется, многое близко думалось, но без законченности и блеска. Все великолепно — и о революционном «нетерпении» и его роли, и о Хрущеве, о политиках и интеллектуалах... Венец же — об однопартийной системе, о том, что сказано и о том, что подразумевается. Многое я записала и порой перечитываю. Страшно жалею, что не слышала Ваших выступлений³, не знаю, где еще что Вами напечатано. Преклоняюсь перед Вашей деятельностью. Как бы хорошо, если бы Вы смогли приехать в Л<енингра>д и выступить в ЛОИИ⁴. Я связана там со многими и могла бы нащупать почву, если бы Вы пожелали. Там бывают политич<еские> семинары, недавно приехал Кораблев⁵ с докладом «Сталин и Троцкий в гражд<анской> войне».

К сожалению, я уже стара (70 лет!) да и болею много, а то бы, по мере способностей, включилась бы как-нибудь в современность, которой я интересуюсь с 10 лет — прежде всего, благодаря отцу⁶ — умнейшему человеку. В 1929 г. мы были летом в Теберде, где последний раз отдыхали Бухарин и Рыков. Помню горячие и горестные беседы отца с его близким другом моск<овским> философом средневековья О. В. Трахтенбергом⁷, как они тяжело переживали поражение «правых», как последнюю попытку выйти из тупика<.> И все потом переживалось очень остро, хотя путь внутренний мой был отнюдь не однолинеен, но уж к 1934 г. — совершенно ясен⁸. Конечно, если что мою пессимистическую натуру (в отличие от Вас — «мрачного оптимиста») держит еще в жизни — то это возможность читать новые — старые великолепные книги и статьи и что «эту паскудину стронуло»⁹ (Е. Евт<ушенко>) Я очень надеюсь увидеться с Вами, если Вы появитесь в Л<енингра>де. Живу в старой квартире, не перебралась в комнату в 26 м. Сейчас, кроме ЛОИИ, работаю в ГПБ на по-

стоянной работе (4 мес<яца>, кот<орые> буду растягивать на 8) — чтобы получить прибавку к пенсии — 12 р. к 120 (!!). Не густо, правда? Историей занимаюсь мало — отчасти охладела, да и постоянные головные боли мешают, а при необходимости ходить сейчас 4 раза в неделю в ЛОИИ и ГПБ еле тяну. Телефон мой [...]. Надеюсь, мое письмо Вам не будет неприятным — хотя бы в память нашего долгого знакомства и Ал.Дм.¹⁰

Всегда желающая дальнейших успехов Вашей талантливой деятельности, особенно на новом поприще, а также — здоровья —

Е. Бернадская

Примечания

1. Политико-философский сборник ряда советских интеллектуалов — философов, ученых, писателей, литературных критиков и политических деятелей (включая А.Д. Сахарова, Т.И. Заславскую, Ю.Н. Афанасьева, Вяч.Вс. Иванова, М.Я. Гефтера, Д.А. Гранина, Алеся Адамовича, Ю.Г. Буртина, Г.Х. Попова и др.) — в поддержку перестройки.
2. Статья Л.М. «Возобновление истории» [Баткин 1988].
3. Речь идет о политических выступлениях Л.М. на заседаниях независимого дискуссионного гражданского клуба «Московская трибуна», созданного для публичного обсуждения широкого круга общественно-политических проблем периода перестройки. Л.М. был одним из инициаторов создания «Московской трибуны». Большую роль в деятельности «Московской трибуны» сыграли А.Д. Сахаров и ректор Московского государственного историко-архивного института, будущий создатель и первый ректор РГГУ Юрий Николаевич Афанасьев (1934–2015).
4. Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Е.В. Бернадская тесно сотрудничала с ЛОИИ, входила в исследовательскую группу по истории Италии, работая с архивными фондами института.
5. Кораблев Юрий Иванович (1918–1996) — советский и постсоветский историк, специализировавшийся на истории СССР и КПСС. До начала перестройки публиковал ортодоксальные работы в русле советской идеологии, однако в 1986 году одним из первых начал осторожно обращаться к новому дискурсу: «Переосмысление исторического прошлого, преимущественно советского, потребовало подготовки новых учебников, которые отражали бы современный взгляд на нее. Первой из таких книг стал вышедший уже в 1986 г. учебник для 9-го класса “История СССР”, авторами которого, наряду с Ю.И. Кораблевым, стали Ю.С. Кукушкин, И.А. Федосов и В.П. Шерстобитов. <...> Конечно, концептуально эта книга не была, да и не могла быть в то время иной, чем в “доперестроечное” время. Но она уже содержала немало новых подходов и оценок. Быть может, с позиций сегодняшнего дня эти подходы и оценки может увидеть лишь специалист, но чего никто не может оспорить, так это того, что в переосмыслении советской истории авторы этой книги были первыми» [Данилов 2009: 316–317].
6. Бернадский Виктор Николаевич (1890–1959) — советский историк, специалист по русскому Средневековью.
7. Трахтенберг Орест Владимирович (1889–1959) — советский ученый, педагог, специалист по философии западноевропейского Средневековья.
8. В 1934 году Е.В. Бернадская училась в выпускном классе школы и выбирала, в какой университет поступать. Выбрала исторический факультет ЛГУ со специализацией на западноевропейском Средневековье.
9. Неточная цитата из стихотворения Е.А. Евтушенко «Карликовые березы» (1966): «Мы верим, сгибаясь увечно, / что небомерзлотность — невечна, / что эту паскудину стронет, / и вырвем мы право на стройность».
10. А.Д. Люблинская.

Рахлина Марлена Давидовна (1925–2010) — советская и украинская поэтесса и переводчица. Была близка к диссидентскому движению, дружила со многими правозащитниками.

15. М.Д. Рахлина — Л.М. Баткину (машинопись)

12 февраля 1997 года

Здравствуй, Ленечка!

Вот она, оказия, и я теперь надеюсь, что получу от тебя все, что у нас украли (какой-то удивительный попался вор-книжник!)¹ Оказия верная, поэтому сначала о нем, Игоре Лосиевском². Во-первых (что, на мой взгляд, важнее всего), он признался, что любит тебя. Во-вторых, он заведует в Библиотеке Короленко отделом редкой книги. В-третьих, у него книжка «Анна всея Руси»³ — не первая, но об этом пусть расскажет сам. Что касается книжки, которую он намерен тебе презентовать⁴ — не хочу забегать вперед твоего мнения, но скажу, что мне она нравится. Далее — знакомьтесь.

Теперь о себе. Мы с тобой остановились на том, что как-то я призналась тебе, что надоело писать в стол и хочу печататься за границей. Ты засомневался, удастся ли это мне. Потом мы кратко виделись у Юлика⁵, но там не я была главным действующим лицом и рано было говорить о себе. А между тем, ты ошибся. Первая моя подборка оказалась в 30-м «Континенте»⁶ Я не знаю, кто ее отправил, но «вызвали» меня только года через полтора. (Кстати, если бы выбирала журнал я, я бы выбрала что-нибудь более «мягкое», что ли) Дальше забрали Генчика Алтуняна⁷ (в 80 г.), и пока шло следствие, я съездила в Москву (решив, что с меня хватит) и отправила в «Контине[н]т» (где меня уже знали) мало что цикл, посвященный весь Алтуняну, но еще письмо Максиму⁸ (за что Юлька, узнав об этом, очень меня выругал) Как только я вернулась, меня пригласили. Разговор был из самых долгих, а кончился тем, что если «еще будет случай», они меня больше не вызывают, а прямо передают дело в прокуратуру. Тогда уже Андропов всем подряд предлагал альтернативу отъезда. И когда дома мы начали обсуждать все (ведь я знала, что «случай будет») мы решили (слышишь?), что не уедем. Я рассуждала: «Женщина я пожилая, “случай” не такой уж криминальный, ну, дадут годика три, ну отсижу<>>. Я Фимку⁹ спросила: «Ты ждешь меня будешь?» и он сказал «подождем!» таким тоном, что я решила: «Не будет ждать!» (ну это-то я — для красного словца)

И вот стихи были напечатаны в 36-м «Континенте»¹⁰, но Генриху¹¹ не помогли, т.к. мы надеялись на бóльшую оперативность: он уже второй год сидел по приговору (а вышел по «Сахаровскому списку»¹²)

Однако, и ГБ угрозу свою не выполнил (чему я, зная его пунктуальность, удивлялась). Вместо этого меня пригласили в Союз¹³, и там меня попробовали «ку» (помнишь, Шварц; или «ку» или «у»¹⁴), но очень неуклюже. Тогда ко мне прислали одного сукиного сына, но ему я прямо сказала, что телегу¹⁵ на «Континент» все-равно писать не буду. А потом началась «перестройка», и то стихотворение, которое было главным криминалом («Ведь что вытворяли») — напечатали в «Н.М.»¹⁶

Потом я (или «до того») еще раз имела дело с «Континентом»: пожаловалась, что скучно живу, не печатают, и 60-й «Континент» напечатал огромную

подборку¹⁷. Потом пошла уж музыка не та¹⁸, но об этом писать уже неохота: собственно, в остальном моя жизнь — у тебя на глазах.

<...>¹⁹

Еще несколько слов о книжке, которую тебе посылаю, «Потерявшиеся стихи»²⁰ Они и вправду потерялись. Когда-то в очень былые времена, не видя никакого просвета (а кто его видел?) я завела т<ак> н<азываемый> «архив». Я написала эпитафию к нему, такой: «Быть неопрятным некрасиво, не это подымает ввысь. Решила завести архива, над рукописями трястись. Когда хватит меня кондрашка, найдешь здесь все, чем я жила, и огорченная мордашка, быть может, станет весела»²¹ Потом стало опасно хранить его дома, я дала его Сане²², и она где-то спрятала. Уезжая, она отдала его Женьке²³, и он его надолго потерял. Но вот — нашел, а юношеские мои стихи подарил мне брат, когда уезжал²⁴. А потом мне стало жаль многих стихов — и так получилась эта книжка. Вообще-то, все мои «ударные» стихи я напечатала раньше (у тебя «Надежда...<»> и «Другу в поколении» есть?²⁵), но, к моему удивлению, книжку приняли хорошо. Я же нахожу, что много лишних стихов напечатала в разделе «Юношеские» (это первый) И потом, ты не думай, глядя на фото²⁶, что я так жестикулирую при чтении. Это, скорей всего, я потянулась за цветами, а меня щелкнули. Или за книжкой, подписывать. Это у нас есть такая организация «Круг», она тут делает выступления. Были у нас Сарнов²⁷ с Войновичем, были Коржавин с кем-то, еще разные люди. Часа два длится вечер, час из него дает телевиденье. А ты бы не хотел бы выступить в родном когда-то городе? Ежели да — напиши!

Ленечка, я расписалась неприлично. Оставляю тебя с Игорем²⁸ и жду ответа, как соловей лета.

Твоя [подпись]
12 февраля.

Примечания

1. Оказия в данном случае — удобный случай для пересылки писем и книг через друзей и знакомых: М.Д. Рахлина просит Л.М. прислать ей его книги, потому что имевшиеся у нее экземпляры одной или нескольких книг Л.М., судя по всему, кто-то взял почитать и не вернул.
2. Лосиевский Игорь Яковлевич (род. 1957) — украинский поэт, литературовед и библиограф, специалист по книговедению, архивоведению и источниковедению.
3. Имеется в виду биографическая книга И.Я. Лосиевского об А.А. Ахматовой «Анна всея Руси» [Лосиевский 1996].
4. М.Д. Рахлина попросила И.Я. Лосиевского передать Л.М. сборник своих стихов «Потерявшиеся стихи» [Рахлина 1996].
5. Юлик, Юлька — Ю.М. Даниэль.
6. «Континент» — эмигрантский (до 1992 года) русскоязычный литературный и публицистический журнал либерально-демократического (позднее консервативного) и христианского направления. В 30-м выпуске «Континента» (1981) опубликована подборка стихов М.Д. Рахлиной из цикла «Прозрачный октябрь» (с. 177–180).
7. Алтунян Генрих Ованесович (1933–2005) — советский и украинский общественный и политический деятель, правозащитник. В советский период дважды арестовывался за диссидентскую деятельность и был осужден на различные тюремные сроки. М.Д. Рахлина говорит о втором тюремном сроке Алтуняна, в 1981–1987 годах. В конце 1980-х был председателем харьковского отделения общественной группы «Мемориал» (организа-

ции-предшественника международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»), в 1990-х — депутат Верховной Рады.

8. Максимов Владимир Емельянович (настоящее имя Лев Алексеевич Самсонов, 1930–1995) — русский писатель, публицист, диссидент. За романы, опубликованные в самиздате, в 1973 году был помещен в психиатрическую больницу; с 1974 года в эмиграции. В том же 1974-м основал журнал «Континент» и до 1992 года был его главным редактором.

9. Захаров Ефим Юрьевич (1920–2000) — муж М.Д. Рахлиной, инженер.

10. В 36-м выпуске «Континента» (1983) М.Д. Рахлина опубликовала подборку политических стихов (с. 147–150), в том числе стихотворение «Генриху Алтуняну». Корреспонденция на имя В.Е. Максимова регулярно выходила на страницах журнала в рубрике «Наша почта», однако ни в № 36, ни в других ближайших номерах письма Рахлиной обнаружить не удалось.

11. Г.О. Алтуняну.

12. 19 февраля 1986 года, находясь в ссылке в г. Горьком, академик А.Д. Сахаров обратился с письмом к М.С. Горбачеву, недавно ставшему генеральным секретарем ЦК КПСС, где писал об освобождении политзаключенных. Он просил освободить узников совести на примере 14 лично ему известных осужденных правозащитников, а также тех, о ком ему неизвестно лично. Всего за 1986 год был выпущен 21 политзаключенный. В декабре 1986 года Горбачев вернул Сахарова из Горького в Москву. По возвращении он продолжил добиваться освобождения и реабилитации тех, кто был репрессирован за правозащитную и диссидентскую деятельность: «В первый же месяц нового 1987 года Андрей Дмитриевич пишет второе письмо Горбачеву о политзаключенных, подчеркивая, что нужно не просто освобождение, нужна амнистия, т.е. безусловное освобождение. <...> Ответа Сахаров не получил, но к апрелю 1987 г. было освобождено 160 человек. Освобождено, но не реабилитировано. Власть проявила гуманность, но не справедливость. В январе 1988 г. Сахаров передал Горбачеву большой список еще не освобожденных людей» (*Долгий В.М.* Народный депутат Андрей Сахаров. 1989 год: Размышления двадцать лет спустя. М., 2009 // Архив Сахарова (URL: www.sakharov-archive.ru/library/publikacii-arhiva/narodnyj-deputat-andrej-saharov-1989-god)). Эти инициативы Сахарова получили название «сахаровский список».

13. Союз писателей СССР.

14. Цитата из пьесы-сказки «Тень» (1940) советского драматурга Евгения Львовича Шварца (1896–1958). Ее произносит один из персонажей, Министр финансов: «Надо его или ку, или у» (то есть или подкупить, или убить).

15. Просторечное название доноса (от слова «телеграмма»).

16. Стихотворение М.Д. Рахлиной «Ведь что вытворяли! И кровь отворяли...», написанное в 1976 году, впервые опубликовано: Континент. 1981. № 30. С. 177 (см. примеч. 6). Републиковано: Новый мир. 1989. № 6. С. 109. О трудностях издания стихов Рахлиной в советской печати см. также примеч. 4 к письму 11.

17. В 60-м выпуске «Континента» (1989) опубликована 9-страничная подборка стихотворений М.Д. Рахлиной (с. 186–194).

18. Неточная цитата из басни И.А. Крылова «Квартет» (1811): «Тогда пойдет уж музыка не та». Имеется в виду, что закончились перестройка и СССР и началась другая жизнь в независимой Украине.

19. Здесь идет довольно большой бытовой фрагмент, где М.Д. Рахлина в подробностях рассказывает о жизненных перипетиях своих родственников. Во вступительной заметке мы указали, почему решили исключить этот отрывок из публикации в «НЛЮ».

20. [Рахлина 1996] (см. примеч. 4).

21. Шутливая аллюзия на стихотворение Б.Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» (1956): «Быть знаменитым некрасиво. / Не это подымает ввысь. / Не надо заводить архива, / Над рукописями трястись. <...> И должен ни единой долькой / Не отступаться от лица, / Но быть живым, живым и только, / Живым и только до конца».

22. Захарова Александра Ефимовна (род. 1956) — дочь М.Д. Рахлиной; в 1988 году эмигрировала с семьей в США.

23. Захаров Евгений Ефимович (род. 1952) — сын М. Д. Рахлиной, украинский общественный деятель, правозащитник и журналист. В 1989–1992 годах был сопредседателем харьковской общественной группы «Мемориал» (см. примеч. 7), с 1989-го — член Московской Хельсинкской группы, с 1995-го — член украинской секции Международного общества прав человека, в 1997–2011 годах — соруководитель Харьковской правозащитной группы, в 2004–2008 годах — председатель правления Украинского Хельсинкского союза по правам человека.
24. Рахлин Феликс Давидович (род. 1931) — советский и израильский поэт, журналист, младший брат М. Д. Рахлиной. В 1990 году эмигрировал с семьей в Израиль.
25. Сборники стихов М. Д. Рахлиной: «Надежда сильнее меня» [Рахлина 1990] и «Другу в поколение» [Рахлина 1994].
26. Имеется в виду фотография М. Д. Рахлиной в сборнике «Потерявшиеся стихи».
27. Сарнов Бенедикт Михайлович (1927–2014) — советский и российский литературный критик, публицист и писатель.
28. И. Я. Лосиевским.

16. М. Д. Рахлина — Л. М. Баткину
(машинопись с припиской от руки)
30 января 1998 года

Дорогой Леня!

Я рискую показаться (или оказаться, что еще хуже) навязчивой¹. Это в моей жизни впервые.

Ты не получил моего письма (хотя знаешь из открытки Ефима², что он перепутал номер дома) В нем я во-первых объясняю, что «по совокупности твоих преступлений» ты можешь вообще не отвечать мне, лишь бы я узнавала, что письмо получено³. Я не знаю, почему я так настойчива. Хотя мой муж всегда говорит: «кому надо, тот и звонит» (соответственно — пишет) Ну вот, мне надо — я и пишу!

Эта моя рецензия⁴ попала в газету, потому что ее отнес туда Женя Сухарев⁵ (см. его материал об Ахматовой и Модильяни в этой же газете) В газете я добавила фразу, выпавшую, по-моему, по моей вине, но долго объяснять и неважно.

Но сейчас я пишу о твоей книжке «Пристрастия»⁶ (спасибо!), которую проглотила с радостью. Мне даже неловко, сколько у нас с тобой совпадений. Обычно авторам всегда интереснее, когда с ними спорят.

Самое существенное — о религии. Мне очень близко (я сама об этом не раз говорила и писала) твое одинаково серьезное отношение к религиозности и атеизму, если они продуманны и искренни, и выстраданы. Но, в довершение ко всему, мне еще кажется, что люди рождаются (генетически) верующими или атеистами, с готовой склонностью к вере или безверию. Говоря грубее, «материалистами» или «идеалистами». Это какое-то глубокое психо-физическое свойство.

Я почувствовала притяжение к вере очень рано, лет восьми. Я, конечно, не могла говорить об этом со своими горячо любимыми родителями, настолько все это было противоположно моему «марксистско-ленинскому» воспитанию. Парадокс заключается еще и в том, что мои родители (и большая часть их единомышленников) — и сами, на самом деле, были глубоко-верующими

людьми, по всей своей жизненной и личной философии. Это было своеобразное нео-язычество, обязывающее обоготворять мумию⁷ и, вместе с нею, всех непогрешимых вождей. Поскольку в таком нежном возрасте я о разных конфессиях ничего не знала, вера пришла ко мне в ее православном варианте. Если ты читал «Другу в поколенья»⁸ ты знаешь, как я в одиннадцатилетнем возрасте окрестила сама себя в реке Псел. Как сейчас обстоит дело с моей верой, мне уже не хочется писать: боюсь — тебе не будет интересно.

Мое отношение к Д.С. Лихачеву тоже похоже на твое⁹. Несмотря на все уважение к его имени и жизни, меня тоже раздражает его русопятство. Любый национализм отвратен, особенно русский. Хуже его — только украинский. Ты себе не можешь представить, до чего он доходит, и если наш «парламент» будет левым, то именно из-за экспансии национализма, назло «им».

Еще мне хотелось сказать насчет Бродского, что я тоже было обиделась за стихи «Те, кто не умирают...»¹⁰, но потом подумала, что, может, он чувствовал, как мало времени ему осталось, и утешал себя таким способом...

И еще: я написала в рецензии о «высоком эгоцентризме Бродского» совершенно самостоятельно. И если бы ты знал, как я удивилась, найдя потом в твоей книжке это же выражение, которое я как-то пропустила. И, честно говоря, обрадовалась, хотя радоваться-то нечему!

Перечитала сейчас письмо. А в своей старости я чувствую только ее прелесть. Может, это потому, что я всю жизнь много болела и привыкла не обращать на это внимания и не верить ужасающим диагнозам, которые мне ставят, а к гармонии и согласию с собой я пришла только теперь (и с другими близкими людьми). К тому же, говорят, старость пока меня не обезобразила. Когда у меня был (давно очень) паралич лицевого нерва, это было куда хуже!

Ладно! Не буду больше «путаться у тебя под ногами»!¹¹

Я тебя обнимаю

Твоя [подпись]

30 января

P.S. Заодно посмотришь, какие у нас в Харькове выходят газетки. Эта совсем молодая: ей второй год.

[Подпись]

[Далее приписка от руки.]

P.P.S. Не думай только, что я написала о своей старости из кокетства. У меня была бабушка Евгения (папина мать) Она родила 10 детей, дожила за 80 лет и была уже совсем бессмысленной, но какая это была сияющая добротой среброволосая красавица!

Примечания

1. Это письмо — фактическое продолжение письма М.Д. Рахлиной к Л.М. от 3 января 1998 года, которое было доставлено лишь позднее.

2. Муж М.Д. Рахлиной (см. примеч. 9 к письму 15).

3. М.Д. Рахлина в шутовском тоне жалуется, что Л.М. не всегда отвечает на ее письма. Это же она говорила и в письме от 3 января, добавляя, что Л.М. может не отвечать подробно, если на это нет времени или возможности, а ограничиться кратким сообщением: «А значит, писать ты мне должен так: Дорогая (или какая там!) Марлена! Получил твоё письмо от такого-то числа, за которое очень благодарю. Рецензия твоя меня вполне (не) удовлетворила. Почему — ты этого, боюсь, не поймешь (я и сам не понимаю) Всего хорошего. Твой Л.Б.».

4. Рецензия М. Д. Рахлиной на книгу Л. М. об И. А. Бродском «Тридцать третья буква» [Баткин 1997] была опубликована в харьковской газете (не удалось установить, в какой именно). В перепечатанном виде Л. М. получил рецензию в декабре 1997 года.
5. Сухарев Евгений Александрович (род. 1959) — украинский поэт и эссеист.
6. [Баткин 1994].
7. Имеется в виду тело В. И. Ленина, выставленное в Мавзолее Ленина.
8. Книга стихов М. Д. Рахлиной [Рахлина 1994].
9. Подразумевается оценка Л. М. эссе Д. С. Лихачева «Заметки о русском» [Лихачев 1980] — о резко отрицательном отношении Л. М. к этому эссе см. в письме 6 и особенно в примеч. 6 к нему. В книге «Пристрастия» опубликована статья Л. М. «Застойные споры», где один из «споров» посвящен как раз «Заметкам о русском» [Баткин 1994: 245–264].
10. Имеется в виду стихотворение И. А. Бродского «Те, кто не умирают, — живут...» (1987): «Те, кто не умирают, — живут / до шестидесяти, до семидесяти, / педствуют, строчат мемуары, / путаются в ногах. / Я вглядываюсь в их черты / пристально, как Миклуха / Маклай в татуировку / приближающихся / дикарей».
11. Аллюзия на вышеупомянутое стихотворение Бродского (см. предыдущее примеч.).

17. Л. М. Баткин — Н. Т. Баткиной
14 сентября 1996 года

14.9.96

10.00

Солнышко, вчера мы опоздали к поезду в Равенну, поэтому Равенна ждет нас сегодня, закатимся туда на вторую половину дня. Вчера же... на вокзале я предложил сразу же отправиться в Assisi!

Итак, это свершилось.

Это было, однако же, сложное и несколько выматывающее путешествие. Из Rimini поездом в Falconara, около часа. Затем еще более часа прогулка по непримечательному, но все равно приятному городку — в ожидании пересадки. Затем глазение в окошко со все возрастающей радостью: поезд уже пересекал Умбрию, довезя нас до Foligno. Там — вторая пересадка, до Perugia (и лишь оттуда в Ассизи автобусом). Оказалось, что второе «окно» таково, что в Перудже мы окажемся чуть не в 16.00... «Руководитель группы»¹ решает (демократически заручившись согласием троих ведомых — ха! будто Лена² и Оля³, строптивейшие барышни, каждая на свой лад, способны быть в подчинении!) — итак, РГ («руководитель группы») решает взять такси, и за 60.000 лир (т.е. 40\$) шофер довозит нас до Базилики S. Francesco. Опять-таки я не собираюсь пересказывать (купленный, разумеется, притом на русском) путеводитель, а также то, что знают об Ассизи все примерные студентки-итальянистки истфака МГУ⁴. Скажу лишь, что впечатление очень сильное, и мои студентки потом хором сказали, что именно вчера они прониклись и заболели Италией уже всерьез. Дух самого удивительного из всех христианских святых витает над городом, в котором почти ничего не изменилось с XIII века, с XIV века. Прах купца, ставшего блаженным и поэтом, автором «Цветочков»⁵ — под тяжелым каменным надгробием, к кот<орому> ведет спуск из нижнего нефа. Фрески Лоренцети, Симоне Мартини, нежнейшая итальянская готика, «эkleктичная», полуроманская, т.е. лишенная жесткой торжественности, интимная и задумчивая. Знаменитый портрет святого кисти Cimabue (см. репродукцию

у меня над столом). А в верхнем нефе — м<ожет> б<ыть>, лучшие из фресок Джотто, отлично отреставрированные. Не Ренессанс, нет! — но одна из высших точек мирового искусства, предчувствие Ренессанса в самом средоточии Средневековья, фантастическое пространство, жесты, архитектура, человечность, естественно сообразующая себя с вечностью, конкретность мистики — словом, Giotto. Рассмотрись картинки. Но ведь далее — отчасти вверх, гл<авным> обр<азом> вниз — совершенно живой, не музейный и не разрушенный временем, а продолжающий плыть по течению времени, т.е. одновременно и древний, и современный город. Я пытался снимать, не знаю, что получится. За стенами, в просветах между домами, на каких-то террасах, внизу — умбрийские дали, в дымке, так поразившей Блока. Странно, что недавно я перечитывал и писал об его итальянском цикле⁶, и вот сейчас — «синяя гарь умбрийских гор»⁷, «Умбрии ласкающая мгла»⁸ — передо мною. Вне пейзажа, не просто составляющего вторую vedutu, но вливающегося (как, впрочем, это происходит и в ренессансной композиции) в vedutu первую, вне этой игры пространственных планов и, конечно, без мягкого света, встреч камня с воздухом, — нет не только архитект<урных> и пр<очих> впечатлений, но даже и живописи. (Помню, как во Флоренции, в Uffizi, я глянул из зала в окно — и увидел там оригинал ренессансных воспроизведений, эти самые вторые планы).

Мы возвращались так же долго (увы, в Ассизи лишь часа три, и весь день, чтобы доехать и вернуться). В поезде начальник оного оказался носителем русского языка, а милая девушка напротив — студенткой ун<иверсите>та в Pesaro⁹, спрашивавшей меня о Leonardo¹⁰. Так что — особенно благодаря поразившему всех старому железнодорожнику, любезному и любознательному — обратный путь был скрашен нетривиальной встречей. Еще час в Falsonaga, гл<авным> обр<азом> в станционном буфете, только к полуночи мы вернулись в гостиницу, сидели на балкончике, пили вино, заедали сыром и пр. — и наблюдали, как внизу, на ярко освещенной улице красивая девка поджидала клиента, авто иногда выстраивались в очередь, но она почему-то отказывалась, видно, не сходились в цене и условиях. Мы разошлись по номерам, не дождавшись развязки.

Итак, нынче — Равенна, V век, Византия и лангобарды¹¹. А завтра все едут в Венецию, я же, м<ожет> б<ыть>, провожу их до Болоньи и останусь там сам. Немного потеплело, вода, говорят, 18–19°, иду впервые окунуться в волны Адриатики — перед Равенной.

Примечания

1. Л.М., как инициатор поездки, иронически определяет себя как «руководителя (туристической) группы».
2. Шумилова Елена Петровна (1940–2018) — ученый секретарь ИВГИ РГГУ с 1992 года; в 2006–2013 годах — заместитель директора. ИВГИ — Институт высших гуманитарных исследований РГГУ.
3. Малахова Ольга Борисовна (род. 1946) — сотрудница ИВГИ РГГУ в 1993–2016 годах.
4. Намек на биографию адресата письма: Н.Т. Баткина была студенткой исторического факультета МГУ, специализировалась на культуре итальянского Возрождения.
5. Неточность: «Цветочки Франциска Ассизского» написаны уже после его смерти и канонизации. Это антология легенд о жизни и смерти св. Франциска, написанная на тосканском диалекте итальянского языка и составленная в конце XIV века на основе более

раннего латинского текста «Actus beati Francisci et sociorum eius» анонимного автора (возможно, Уголино Брунфорте (около 1262 — около 1348)).

6. Имеется в виду стихотворный цикл А.А. Блока «Итальянские стихи» (1909).

7. Неточная цитата из стихотворения А.А. Блока «Перуджия» (1909): «Голубая гарь от Умбрских гор».

8. Цитата из стихотворения А.А. Блока «Благовещение» (1909).

9. В городе Пезаро есть филиал Урбинского университета, Консерватория имени Джоаккино Россини и Политехнический университет Марке.

10. Специализация Л.М. на личности и творчестве Леонардо да Винчи воплотилась в книгах «Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления» [Баткин 1990], «Leonardo da Vinci» (на итальянском языке) [Batkin 1988] и ряде статей и глав в других изданиях.

11. В V веке Равенна была резиденцией последних римских императоров. В 476 году во время очередного кризиса власти предводитель отряда варваров-наемников Одоакр поднял восстание, в битве при Равенне разгромил остатки римских войск и сверг последнего императора Западной Римской империи, Ромула Августула, — это событие в историографии Нового времени считается символической датой падения Римской империи. В 584 году Равенна была занята византийскими войсками и вошла в состав Византийской империи, став ее провинцией (Равеннский экзархат). В 751 году захвачена лангобардами и включена в Лангобардское королевство.

Литература

- [Августин 1978] — Исповедь блаженного Августина, епископа Ипшонского / Пер. с лат., примеч. [М.Е. Сергеевко] // Богословские труды. Вып. 19. М.: Издательство Московской патриархии, 1978. С. 71–264.
- [Аверинцев 1977] — *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.
- [Аллилуева 1967] — *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. New York: Harper & Row, 1967.
- [Баткин 1958] — *Баткин Л.М.* Социально-политическая борьба во Флоренции в конце XIII — начале XIV веков и идеология Данте: дис. ... канд. ист. наук. Харьков: Харьковский государственный университет, 1958.
- [Баткин 1965] — *Баткин Л.М.* Данте и его время: Поэт и политика. М.: Наука, 1965.
- [Баткин 1971a] — *Баткин Л.М.* Парадокс Кампанеллы // Вопросы философии. 1971. № 2. С. 133–142.
- [Баткин 1971б] — *Баткин Л.М.* Спор о Данте и социология культуры // Средние века. Вып. 34 / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1971. С. 277–292.
- [Баткин 1975] — *Баткин Л.М.* О социальных предпосылках итальянского Возрождения // Проблемы итальянской истории — 1975 / Отв. ред. Г.С. Филатов. М.: Наука, 1975. С. 220–258.
- [Баткин 1977] — *Баткин Л.М.* Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии. 1977. № 12. С. 105–119.
- [Баткин 1978a] — *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978.
- [Баткин 1978б] — *Баткин Л.М.* Об истоках трагического в Высоком Возрождении // Микеланджело и его время / Под ред. Е. Ротенберга и Н. Чегодаевой. М.: Искусство, 1978. С. 138–162.
- [Баткин 1979] — *Баткин Л.М.* Зрелище мира у Джанотто Манетти // Театральное пространство: Материалы научной конференции / Под общ. ред. И.Е. Даниловой. М.: Советский художник, 1979. С. 114–143.
- [Баткин 1988] — *Баткин Л.* Возобновление истории // Иного не дано: Судьбы перестройки; Вглядываясь в прошлое; Возвращение к будущему / Ред.-сост. А.А. Протащук; под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1988. С. 154–191.

- [Баткин 1989] — *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.
- [Баткин 1990] — *Баткин Л.М.* Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990.
- [Баткин 1993] — *Баткин Л.М.* «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина. М.: РГГУ, 1993.
- [Баткин 1994] — *Баткин Л.* Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. М.: ТОО «Курсив-А», 1994.
- [Баткин 1995а] — *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995.
- [Баткин 1995б] — *Баткин Л.М.* Петрарка на острие собственного пера: Авторское самосознание в письмах поэта. М.: РГГУ, 1995.
- [Баткин 1997] — *Баткин Л.М.* Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М.: РГГУ, 1997.
- [Баткин 1999] — *Баткин Л.М.* Начинаящий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских // Одиссей — 1998. Человек в истории: Личность и общество: Проблемы самоидентификации / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1999. С. 223–245.
- [Баткин 2000] — *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой: Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000.
- [Баткин 2002] — *Баткин Л.М.* Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. Изд. 2-е, доп. М.: РГГУ, 2002.
- [Баткин 2012] — *Баткин Л.М.* Личность и страсти Жан-Жака Руссо. М.: РГГУ, 2012.
- [Баткин 2013] — *Баткин Л.М.* Эпизоды моей общественной жизни: Воспоминания. М.: Новый хронограф, 2013.
- [Баткин 2016] — *Баткин Л.М.* Заметки об индивидуализме Дидро // Вторая навигация: Альманах. Вып. 14. Харьков: Права людини, 2016. С. 90–116.
- [Блок 1973] — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко; отв. ред. и примеч. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973.
- [Буркхардт 1996] — *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии: Опыт исследования / Пер. с нем. Н.Н. Балашова и И.И. Маханькова; примеч. И.И. Маханькова; отв. ред. Л.Т. Мильская. М.: Юристъ, 1996.
- [Бычков 1977] — *Бычков В.В.* Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М.: Искусство, 1977.
- [Горфункель 1980] — *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980.
- [Горфункель 1983] — *Горфункель А.Х.* К спорам о Возрождении // Средние века. Вып. 46 / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М.: Наука, 1983. С. 214–228.
- [Горфункель 1997] — *Горфункель А.* Вид на костер с балкона: Анна Ахматова — от Жданова к Жолковскому // Звезда. 1997. № 4. С. 231–233.
- [Горфункель 2013] — *Горфункель А.Х.* Труд науки и извороты шарлатанства: О ремесле историка. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
- [Гуковский 1947–1961] — *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение: В 2 т. Л.: ЛГУ, 1947 (т. 1), 1961 (т. 2).
- [Гуревич 1970] — *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970.
- [Гуревич 1972] — *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
- [Гуревич 2004] — *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
- [Гуревич 2007] — *Гуревич А.Я.* «Генезис феодализма» и генезис медиевиста: Злые мемуары в роли предисловия // Гуревич А.Я. Избранные труды: Древние германцы. Викинги. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 5–22.
- [Гутер, Полунов 1980] — *Гутер Р.С., Полунов Ю.Л.* Джироламо Кардано. М.: Знание, 1980.
- [Данилов 2009] — *Данилов А.А.* Юрий Иванович Кораблев // История и историки: Историографический вестник — 2007 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2009. С. 315–320.
- [Жолковский 1994] — *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Восточная литература, 1994.
- [Заламбани 2006] — Дело «Метрополя»: Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / Подгот. текста, публ., вступ. ст. и коммент. М. Заламбани; пер. с итал. Н. Колесовой // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 243–281.
- [Зимин 2006] — *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- [Каждан 1968] — *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). М.: Наука, 1968.
- [Копосов 2017] — *Копосов Н.* О Леониде Михайловиче Баткине // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 180–194.
- [Лихачев 1980] — *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 10–38.

- [Лосев 1978] — *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.
- [Лосиевский 1996] — *Лосиевский И.Я.* Анна всея Руси: Жизнеописание Анны Ахматовой. Харьков: Око, 1996.
- [Лубенская 1997] — *Лубенская С.И.* Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.
- [Лурье 1973] — *Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука, 1973. С. 78–100.
- [Лучицкая 2011] — *Лучицкая С.И.* Очерк жизни и творчества А.Я. Гуревича (1924–2006) // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича / Сост. И.Г. Галкова, К.А. Левинсон, С.И. Лучицкая, А.В. Толстиков и Т.А. Тоштендаль-Салычева. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 7–36.
- [Маркс 1960] — *Маркс К.* Капитал: Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Пер. с нем. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
- [Маркс 1961] — *Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Пер. с нем. Изд. 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 9–32.
- [Митрохин 2003] — *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- [Пушкин 1936] — *Пушкин А.С.* <Три повести Н. Павлова> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. М.А. Цявловского. Т. 5: Критика. История. Публицистика. Дневники и материалы записных книжек. М.; Л.: Academia, 1936. С. 194–195.
- [Рахлина 1968] — *Рахлина М.Д.* Маятник. Харьков: Прапор, 1968.
- [Рахлина 1990] — *Рахлина М.Д.* Надежда сильнее меня. М.: Прометей, 1990.
- [Рахлина 1994] — *Рахлина М.Д.* Другу в полове. М.: Весть-ВИМО, 1994.
- [Рахлина 1996] — *Рахлина М.Д.* Потерявшиеся стихи. Харьков: Фолио, 1996.
- [Рахлина 2015] — *Рахлина М.Д.* Собрание стихотворений. Роман в стихах. Харьков: Фолио, 2015.
- [Ролова 1974] — *Ролова А.Д.* Флоренция и проблема экономического упадка Италии: (Вторая половина XVI — начало XVII в.): дис. ... д-ра ист. наук. Л.: ЛГУ; Рига: Латвийский государственный университет, 1974.
- [Сулейменов 1975] — *Сулейменов О.* Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алмата: Жазушы, 1975.
- [Трофимова 1979] — *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма: (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). М.: Наука, 1979.
- [Batkin 1979] — *Batkin L.M.* Die historische Gesamtheit der italienischen Renaissance: Versuch einer Charakterisierung eines Kulturtyps. Dresden: Kunst, 1979.
- [Batkin 1988] — *Batkin L.M.* Leonardo da Vinci. Bari: Laterza, 1988.
- [Franklin 1992] — *Franklin S.* Bibliography of Works by Alexander Kazhdan. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1992.
- [Kazhdan 1980] — *Kazhdan A.* Livres soviétiques récents sur la culture du Moyen Âge et la Renaissance: Observations d'un byzantiniste / Trad. par É. Patlagean // Annales. 1980. Vol. 35. № 2. P. 272–276 (URL: www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1980_num_35_2_282630).
- [Kazhdan 1982] — *Kazhdan A.* Soviet Studies on Medieval Western Europe: A Brief Survey // Speculum. 1982. Vol. 57. № 1. P. 1–19.
- [Kazhdan, Constable 1982] — *Kazhdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1982.
- [Kazhdan, Franklin 1984] — *Kazhdan A., Franklin S.* Studies on Byzantine Literature of the Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.